

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Вторая ступень знания

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

Н. РОЖКОВ

ПОГАШЕНО
94
P-65

ИСТОРИЯ РОССИИ

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

КООПЕРАТИВНОЕ

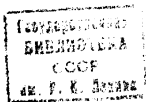
Книгоиздательское
Товарищество „КНИГА“

Петербург, Проспект 25 Октября (б. Невский), 74, тел. 1-31-49

Москва, у Покровских ворот, Внешний Чистопрудный проезд, 1
тел. 3-98-39

Киев, Думская пл. 1, при рабочем кооперативе „Жизнь“.

Четвертая Государственная типография.

5592650

2007112916

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Глава первая. Царствование Александра I (1801 — 1825).	
I. Характер Александра I	5
II. Войны с Наполеоном I.	8
III. Внутреннее состояние России при Александре I.	14
Глава вторая. Царствование Николая I (1825—1855).	
I. Вступление на престол и восстание декабристов.	18
II. Личность Николая I	21
III. Внутренняя деятельность Николая I.	24
IV. Польское восстание 1830—1831 годов	27
V. Внешняя политика Николая I.	29
Глава третья. Царствование Александра II (1855—1881).	
I. Отмена крепостного права	32
II. Земское и городское самоуправление	38
III. Судебные уставы Александра II	41
IV. Другие реформы Александра II	42
V. Начало революционного движения	44
VI. Внешняя политика Александра II	48
Глава четвертая. Царствование Александра III (1881 — 1894).	
I. Личность Александра III.	52
II. Внутренняя политика Александра III.	53
III. Революционное движение при Александре III.	58
IV. Внешняя политика Александра III.	61

Глава пятая. Царствование Николая II (1894 — 1917).

I. Развитие фабрично-заводской промышленности.	65
II. Рабочий вопрос и рабочее движение	66
III. Революционное движение до 1905 года	68
IV. Революция 1905—1907 годов.	73
V. Реакция 1907—1914 годов	77
VI. Война 1914—1917 годов и революция 1917 г. .	80

Заключение. Общий ход революции до 25 октября 1917 года.	83
---	-----------

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Царствование Александра I (с 1801 по 1825 г.г.).

I.

Характер Александра I.

Более ста двадцати лет тому назад, в 1796 г., умерла императрица Екатерина II, царствовавшая 34 года, с 1762 года. Она была немецкой принцессой, вышла замуж за наследника русского престола, вступившего в конце 1761 года на престол под именем Петра III, свергла своего мужа и насильственно, не по праву, заняла его престол. В этом ей помогла гвардия, состоявшая тогда сплошь из дворян. Гвардия была недовольна Петром III, потому что он не во всем угождал дворянству, хотел быть действительно самодержавным, самовластным государем.

Обязанная своей властью дворянству, Екатерина II в течение всего своего царствования защищала дворянские интересы. Она понимала, что дворянство ценит царское самодержавие лишь постольку, поскольку самодержавие служит дворянским интересам. Развратная, без счета тратившая народные деньги, щедро раздававшая деньги и землю своим многочисленным любовникам, любившая роскошь и пышность, Екатерина была достаточно ловка и умна, чтобы понять, что самодержавие должно служить дворянству. И она служила ему не за страх, а за совесть, чувствуя себя самой тоже барыней-дворянкой и управляя Россией, как своей крепостной вотчиной. Она укрепила крепостное право, усмирила крестьянский бунт Пугачева, пролив при этом

море крестьянской крови, она расширила и укрепила права дворянства, раздала ему сотни тысяч десятин государственной земли и поставила по губерниям наместников, суды и полицию для помощи помещикам против крестьян и для сбора податей. Дворянство было довольно ее царствованием, хотя управление Россией велось так же беспорядочно, как беспорядочно управляли дворяне своими именьями.

После смерти Екатерины императором стал ее сын Павел I. Он проявил еще больше самовластия, чем Петр III. Он уменьшил права дворянства, обращался с дворянами часто резко и грубо, даже жестоко, то не в меру возвышал отдельных людей, то ссылал их и карал беспощадно. Такого личного самовластия дворяне не хотели. Они желали дворянского самодержавия Екатерины II. И потому дворянство из приближенных Павла I составило заговор, и в ночь на 11 марта 1801 г. император был задушен.

На престол вступил его сын, любимый внук Екатерины, Александр I. В детстве и юности своей Александр получил такое образование, какое получали многие богатые дворянские баричи того времени: Екатерина приставила к нему хороших воспитателей и учителей иностранных и русских. Но дворянство было избаловано крепостным правом, роскошью и бездельем и училось неохотно, лениво. И Александр также был очень ленив. Он и впоследствии никогда не мог из лениности дочитать до конца ни одной хорошей, серьезной книги, любил всю работу возлагать на других и, часто слушая доклады по делам, засыпал, так что докладчикам приходилось говорить громче, чтобы его разбудить. Поэтому почти все образование Александра I пропало даром: он просто щеголял им, как модной побрякушкой или игрушкой, а в сущности не ценил науки и знания, пренебрегал ими.

Александр I был такой же самовластец, как его отец и дед. Когда Панин и Пален, главари заговорщиков-дворян, удушивших Павла I, предложили ему огра-

ничить императорскую власть, он сумел их удалить. Александр приблизил к себе Сперанского, которого ценил как усердного работника, необходимого ему при его лености. Но как он только заподозрил Сперанского в стремлении руководить его императорской волей,—он отправил его в ссылку. Приблизив к себе Аракчеева, Александр I распорядился самовластно, взвалив на него всю черную работу и будучи доволен, что Аракчеев рабски подчиняется, всецело ему предан. Александр вообще не терпел противоречий и был злопамятен.

И однако этот самовластец старался скрыть свои самовластные замашки и стремления: он говорил, например, что жил и умрет республиканцем, он много говорил о выборном от народа представительном правлении, он приближал к себе либералов, то-есть сторонников улучшений, преобразований, некоторой свободы, он даже дал выборные сеймы Финляндии и Царству Польскому, хотя, правда, финляндский сейм был при нем собран только один раз, а права польского сейма он сразу же стал нарушать. Александр вообще был большой притворщик, обманщик и лицемер. Он заискивал и у Екатерины и у Павла, которые враждовали между собою. Когда Павел уволил Аракчеева в отставку, Александр тайно выражал уволенному свое сочувствие, а открыто, при всех называл его мерзавцем. Он сам тайно участвовал в заговоре против Павла I. Забывая на смерть солдат, Александр в то же время лицемерно выражал о них сожаление.

Откуда происходило это лицемерие, притворство, хитрость? От чувства страха: Александр всю жизнь боялся за себя и за свою власть и всего более боялся он дворянства, помня участь Петра III и Павла I.

Боясь людей, Александр боялся и Бога, его карающей десницы. Отсюда произошла у него потсм религиозность. Он стал искать общения с Богом, начал выискивать людей, которые говорили, что умеют в молитве, душеспасительных беседах и религиозном возбуждении (экстазе) сливаться с божеством,—проро-

ков и мистиков. Поэтому он сблизился с баронессой Крюденер, ездил к скопческому учителю Кондратию Селиванову.

Во всем этом—и в лени, и в самовласти, и в трусости, и в лицемерии—на Александра I походили многие дворяне его времени. Прошли времена старого дворянского самодурства, прошло золотое для дворянства время Екатерины II, когда барин делал, что хотел, пока над ним не грянул гром пугачевщины, да и потом, получив надежную полицейскую и судебную охрану, мог быть спокойным. Теперь наступало другое время: пришлось прикрыть волчью пасть лисьим хвостом, волку одеться в овечью шкуру.

II.

Войны с Наполеоном I.

Одним из важнейших событий царствования Александра I были войны России с Францией, которую правил тогда Наполеон I. Чтобы понять, как произошли эти войны и из-за чего они велись, необходимо ознакомиться с причинами, по которым произошли тогда войны Англии с Францией.

Лет за полтора—сто шестьдесят до нашего времени в Англии совершился промышленный переворот: из земледельческой страны Англия превратилась в страну, главным образом, фабрично-заводской промышленности. Этому помогло еще изобретение парового котла и паровых машин: в конце XVIII века в Англии был применен в промышленности паровой двигатель, и стали работать паровые ткацкие станки и прядильные машины. Поэтому там за последние 25 лет XVIII века производство хлопчатобумажных материй утроилось, а производство железа удвоилось.

Ничего подобного долго не было во всем мире. И потому английские фабричные изделия нашли себе

легкий и большой сбыт во всех странах. Вся торговля фабричными изделиями оказалась в руках Англии.

В начале XIX века, после великой французской революции, на тот же путь развития фабрично-заводской машинной промышленности вступила Франция, и французские фабриканты стали конкурировать с английскими в продаже товаров. Но английская промышленность уже далеко ушла вперед, и победить ее скоро было трудно. Поэтому Наполеон, верный защитник интересов французских фабрикантов, решил силой отвоевать у Англии рынки, обеспечив на них сбыт только одним французским товарам. С этой целью он еще в 1798 г. совершил поход в Египет, надеясь присоединить его к Франции и обеспечить господство французской промышленности и торговли на Средиземном море и далее, проложить пути для французских товаров в северную Африку, западную Азию и Индию. Англия, обеспокоенная опасностью, грозившею ее торговле и промышленности, стала искать союзников против Франции.

Россия тогда в торговом отношении была сильно связана с Англией. Русские хлеб, лен и конопля вывозились в Англию и давали русскому дворянству, отчасти и купечеству большой доход. Поэтому Россия при Павле I была вынуждена вступить в союз с Англией против Франции. Для войны с французами были посланы три русские армии—одна в Италию под начальством Суворова, другая в Голландию, третья в Швейцарию. В союзе с Англией и Россией вела войну против Франции также и Австрия.

Суворов в ряде сражений разбил французов и отвоевал у них всю Италию. Затем он перешел через Альпы в Швейцарию, но не успел на помощь русской армии, там бывшей: до прихода его она была разбита французами, и сам Суворов с трудом пробился и ушел в Германию со своими войсками. В то же время французы одержали победу и над русскими войсками в Голландии. Тогда Павел I разорвал союз с Англией и Австрией и даже начал переписку с Наполеоном, ко-

торый вернулся из Египта и стал главой правительства во Франции, снова отняв у австрийцев всю Италию. Возможен был даже союз Павла с Наполеоном и война России с Англией. Но такая война была бы не выгодна для русского дворянства, потому что грозила повредить торговле России с Англией. Это было одной из причин дворянского заговора против Павла I и его смерти. Русское дворянство находило, что России вообще не следует вмешиваться в борьбу Англии с Францией и надо держаться в стороне, не участвуя в войне. Поэтому Александр I, взождая на престол, объявил, что он желает жить в мире со всеми.

Новые захваты Наполеона заставили однако вооружиться Австрию, которая вместе с Англией побудили и Россию выступить против Франции. Пока Пруссия колебалась, присоединиться ли к союзникам или войти в соглашение с Наполеоном, последний в 1805 году провел свою армию через прусские земли, разбил австрийцев при Ульме, русских и австрийцев при Аустерлице. Австрия вынуждена была заключить мир.

Тогда поднялась Пруссия, обиженная проходом наполеоновской армии через ее владения. Пруссию поддержали Англия и Россия. Наполеон разбил прусскую армию при Иене в 1806 г. и нанес тяжкое поражение русской армии при Фридланде в 1807 г. Французские войска приблизились к границам России.

Тогда состоялось свидание Наполеона с Александром, и заключен был мир и союз России и Франции в Тильзите.

Русское дворянство было недовольно поражениями, понесенными русской армией от Наполеона, недовольно было и участием России в европейских войнах и, наконец, союзом с Наполеоном, которого считало исчадием французской революции. Александр, вынужденный военными неудачами на мир и союз, хотел смягчить недовольство дворянства новыми приобретениями: он выговорил себе у Наполеона право завоевать у Швеции Финляндию, что и было исполнено,

а у Турции Молдавию и Валахию, что сделать не удалось. Но главное, что было неприятно и невыгодно для русского дворянства,—это согласие Александра вступить в так-называемую „континентальную систему“.

Когда в 1805 году английский адмирал Нельсон уничтожил французский флот в морском сражении при Трафальгаре, Наполеону пришлось по крайней мере на время отказаться от заморских завоеваний, от походов в Египет и Индию. Но зато тем больше употребил он усилий на то, чтобы лишить английскую торговлю господства в европейских странах. С этою целью он обязывал все страны, им побежденные, не торговать с Англией и допускать к себе французские товары беспошлинно или с малой пошлиной. Это и называлось континентальной системой или континентальной блокадой. К континентальной системе по Тильзитскому миру примкнула и Россия. Это расстроило ее торговлю с Англией: раз русское правительство не допускало к себе английских товаров, то и англичане не ввозили к себе русских товаров. Дворяне, вывозившие прежде в Англию хлеб, лен, коноплю, лес, терпели огромные убытки от прекращения торговли с Англией. К тому же, так как англичане перестали покупать русские товары,—прекратился прилив денег в Россию, и русские бумажные деньги сильно упали в цене, началась страшная дороговизна. Ропот против Александра за союз с Наполеоном усиливался.

Александр I боялся этого ропота и дворянского недовольства. Поэтому он на деле возобновил торговлю с Англией и в 1811 году обложил французские товары высокой пошлиной. Это больно ударило по карману французских фабрикантов и купцов и облегчило положение Англии, сильно терпевшей от континентальной блокады. И в 1812 году Наполеон, собрав огромную армию, вторгнулся в Россию.

Объявление войны и вступление Наполеона в пределы России вызвало в дворянских кругах Петербурга хвастливую уверенность в немедленной победе России

и требования, чтобы русские войска наступали и дали большое сражение. Но было ясно, что отступление необходимо и неизбежно вследствие огромных сил, двинутых Наполеоном на Россию. И главнокомандующий русской армией Барклай-де-Толли начал это отступление. Дело затруднялось тем, что русские войска были разделены на две армии — одною начальствовал сам Барклай-де-Толли, другой — Багратион. Наполеон быстро двинулся вперед, стремясь разрезать эти армии и разбить их по частям, и только после Смоленска обе армии успели соединиться.

Быстрое движение Наполеона вызвало в дворянской среде — особенно в Москве и провинции — большой страх. Обвиняли Александра, что он не сумел предотвратить войну, трусили, негодовали, начали восхвалять даже Павла I и ставить его в пример Александру; церкви были полны народом, молились на коленях, плача и рыдая; доверие к правительству исчезло. Боялись не только Наполеона, но еще больше — крестьянского восстания: помещики сознавали, что крепостные имеют достаточно причин их ненавидеть. Наполеон действительно распространял воззвания, обещавшие крестьянам волю, но эти воззвания успеха не имели, потому что в сознании темных народных масс существовало убеждение, что Наполеон — антихрист, пришедший истребить народ и веру, а также сильна была надежда получить свободу по изгнании неприятеля и в награду за это изгнание.

В начале войны Александр приехал в Москву с призывом к ополчению и пожертвованиям. Но патриотизма среди дворянства и купечества было мало. Московский генерал-губернатор Ростопчин должен был оказывать на них давление, чтобы склонить к жертвованиям, а из увещаний Александра в сущности подействовало только одно, гласившее, что надо пожертвовать частью своего достояния, чтобы спасти все. И все-таки оказалось, что ополчение из дворянских крепостных было плохо одето, худо вооружено и помо-

гало армии только исправлением дорог, переправ и земляными работами. Купечество пожертвовало значительную по тому времени сумму—в Москве до 2¹/₂ миллионов,—но с лихвой возвратило себе эти деньги, сильно подняв цены на товары.

Армия роптала и не доверяла начальникам. Дворянство все более падало духом по мере движения Наполеона в глубь России. Александр вынужден был назначить главнокомандующим Кутузова. При селе Бородине в 100 верстах от Москвы Кутузов остановился, и произошло большое сражение. Наполеон занял передовые русские позиции, но не нанес решительного поражения русской армии, потому что побоялся двинуть гвардию и потерять, будучи так далеко от Франции, главную силу своей армии. Тем не менее, на другой день после сражения русская армия отступила, а затем оставила и Москву, в которую затем и вступил Наполеон.

Москва была оставлена жителями. Ростопчин вывез из нее пожарный обоз. В пустом огромном, тогда большей частью деревянном, городе еще перед вступлением французов начались грабежи и пожары. В поджогах обвиняли и полицию, действовавшую будто бы по указанию Ростопчина, что впрочем впоследствии сам Ростопчин отрицал. И когда французы вступили в Москву,—почти весь город сгорел.

После потери Москвы в среде дворянства стали требовать мира, который предлагался и самим Наполеоном, испытывавшим затруднения в снабжении армии. Но Александр уже не мог согласиться на мир: началось стихийное движение крестьянских масс против разорительного нашествия, вспыхнула народная война, поставившая французскую армию в затруднительное положение тем, что она лишила французов провианта и фуража. Наполеон вышел из Москвы, попытался было двинуться на юг, но после нерешительного сражения при Малоярославце повернул на разоренную смоленскую дорогу, и началось бедственное отступление его армии. На реке Березине он только благодаря своему воен-

ному искусству спасся сам и сохранил остатки армии. Так кончилась война 1812 года.

Неудача Наполеона в России подняла против него всю Европу, тяготившуюся континентальной системой. Англия, Австрия, Пруссия, Россия, Швеция составили союз против Наполеона, и хотя он отбивался от них еще два года, нередко одерживая победы, но в конце концов был побежден, отрекся от власти и был сослан англичанами на остров святой Елены, где и умер.

После окончания наполеоновских войн Россия приобрела большую часть Польши, которой Александр дал самоуправление и особый сейм, но сразу же стал нарушать эту польскую конституцию (основной закон об устройстве государства).

III.

Внутреннее состояние России при Александре I.

В начале своего царствования Александр I, согласно моде, господствовавшей тогда среди образованных дворян, любил поговорить о преобразованиях в управлении государством, о реформах. Около него составилась кружок людей из дворянской молодежи, воспитанной так же, как он сам. То были граф Строганов, князь Чарторыйский, князь Кочубей и Новосильцов. Разговаривая с императором о реформах эти молодые и знатные дворяне имели целью главным образом сами стать у власти. По их советам Александр учредил Государственный Совет из назначаемых императором членов для подачи совета по делам об издании новых законов и министерства для управления отдельными частями государственных дел. Молодые друзья Александра стали министрами и таким образом на время достигли своих целей.

Но первоначальное учреждение Государственного Совета и министерств внесло мало нового в русское государственное управление. И сам Александр, и его друзья были ленивые баричи, неспособные к серьезной

государственной работе, находившие лишь удовольствие в модной болтовне о реформах и стремившиеся больше всего к дворянскому самовластию, привычка к которому развита была у них крепостным правом. На деле главными работниками и в совете и в министерствах остались старые служаки Екатерины II, и всё оставалось по старому: русское государство походило по-прежнему на большую дворянскую крепостную вотчину, которою управляли беспорядочно, кое-как, взваливая всю тяжесть обязанностей, повинностей и платежей на народную, крестьянскую массу.

Это смутно сознавал Александр I. И когда его дважды—в 1805 и 1807 годах—победил Наполеон, он решил сделать попытку преобразовать государственное управление России по французскому образцу с изменениями, необходимыми по условиям русской жизни. Это дело он поручил Сперанскому, человеку не-дворянского происхождения, вышедшему из среды духовенства. Прежние друзья Александра—Строганов, Кочубей и Новосильцов, противники союза с Наполеоном—получили отставку.

Сперанский понимал, что прежде всего надо улучшить финансы государства, поднять его доходы, а для этого надо развить народное хозяйство, торговлю, промышленность и земледелие, и что достигнуть этого нельзя без установления хоть сколько-нибудь прочного порядка управления и хоть какой-нибудь законности. Установив законность, можно было рассчитывать, что в России разовьется капитализм, образуется класс фабрикантов, которые от разрыва с Англией и введения континентальной системы получили большие выгоды: прекратился ввоз английских фабричных изделий, и стали развиваться русские фабрики. Дворянство было недовольно союзом с Наполеоном, и Александр искал поддержки купечества и фабрикантов. Поэтому введение законности и порядка и было целью плана реформ Сперанского. Для этого он хотел учредить выборную от дворянства и купечества Государ-

ственную Думу для участия в составлении законов, но без ограничения самодержавной власти императора, с одним лишь правом дачи совета ему. А для помощи императору в управлении должны были быть преобразованы Государственный Совет и министерства. Но из всего плана Сперанского осуществлено было только преобразование Совета и министерств. Александр был слишком самовластен, чтобы допустить выборное представительство в России, да и дворянство этого не хотело, а после разрыва с Наполеоном и особенно после 1812 года между дворянством и Александром I установилось полное согласие. Таким образом и реформы Сперанского мало изменили государственное устройство России и не ввели законности: самодержавие и законность трудно мирятся между собой, потому что самодержавие и есть узаконенный произвол, и все чиновники при самодержавии действуют не столько по закону, сколько по собственному усмотрению.

В 1803 году Александр I издал указ о „свободных хлебопашцах“. По этому указу дворянам разрешалось освобождать своих крепостных за выкуп или без выкупа целыми имениями, но непременно с землей. Но так как это только разрешалось и ни для кого не было обязательным, то на деле очень редко происходило освобождение крестьян на этих условиях, и Россия по-прежнему продолжала оставаться чисто-крепостной страной.

После 1812 года и Александр I и русское дворянство в большинстве своем перестали и думать о каких бы то ни было реформах. Спасение России от Наполеона и особенно спокойствие крестьян и их помощь против Наполеона казались положительно чудом. Сам Александр открыто признавал, что истинным спасителем России был „Господь Иисус“ и „промысл Божий“. Он считал себя орудием этого промысла и пришел к убеждению, что его собственные действия согласуются с волей Бога: это убеждение вполне согласовалось с его самовластием.

Проникнувшись уверенностью в согласии своих действий с божественной волей, Александр не допускал никакого себе противодействия. Он жестоко наказал солдат Семеновского полка, возмущившихся побоями и дурным обращением с ними, заслуженными ветеранами многих войн, со стороны командира этого полка. Он стал преследовать всякое вольномыслие внутри России. В школах и университетах стали требовать, чтобы профессора и учителя наставляли учащихся не наукам, а повиновению властям. Александр I заключил с прусским королем и австрийским императором так называемый „Священный союз“, целью которого было подавить и уничтожить всякое стремление к свободе в Европе. Священный союз и усмирил революцию в Испании, Португалии, Италии. Александр очень высоко ценил свое значение охранителя старого порядка в Европе, „европейского жандарма“, как теперь говорят, и понимал, что для этого надо иметь сильную армию. Но Россия была слишком бедна, чтобы содержать такую армию, какую хотел иметь Александр. Поэтому Александр задумал устроить особую армию, которая сама себя содержала бы собственным трудом, и основал „военные поселения“. „Военные поселенцы“ должны были, как крестьяне, обрабатывать землю, а как солдаты, нести военную службу. И то и другое было очень трудно и тяжело и причиняло военным поселенцам тем большие страдания, что привести этот план свой в исполнение Александр поручил жестокому и грубому графу Аракчееву, который забивал на-смерть каждого за малейшую провинность или неисправность. Дело кончилось тем, что начался бунт военных поселений. Но он был сурово подавлен, и участники его понесли жестокие наказания. Военные поселения продолжали существовать до начала царствования Николая I, который вынужден был, наконец, их уничтожить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Царствование Николая I (1825—1855 г.г.).

I.

Вступленье на престол и восстание декабристов.

Александр I не имел детей. Наследником его, по закону, установленному Павлом I, должен был быть следующий по старшинству сын Павла I, брат Александра, Константин. Но по тому же закону член императорской фамилии, женатый не на принцессе, не имел права занимать престол. Поэтому Константин, женатый на польке — русской подданной, еще при жизни Александра отрекся от престола, но отречение держали почему-то в тайне. Императором должен был сделаться младший брат Николай. Но он дожидался, пока вопрос будет выяснен окончательно, и это потребовало полутора месяцев. В это время создалось неопределенное положение. Этим и решились воспользоваться так-называемые декабристы, поднявшие восстание в Петербурге 14 декабря 1825 года.

Лучшая часть дворянской молодежи, преимущественно офицеры, участвовавшие в войнах с Наполеоном, вынесла глубокое убеждение, что правительство во время этих войн совершало только ошибки, и спас Россию от нашествия сам народ силою своей самостоятельности. В походах в Германию и во Францию молодые люди познакомились с европейской жизнью и с государственным устройством стран, далеко опе-

редивших Россию. По сравнению с европейскими порядками то, что было на родине, казалось ужасным; возмущало и приводило в негодование и крепостное право, и жестокое обращение начальников с подчиненными, и всякого рода злоупотребления власти, и повсюду царствовавший произвол. Поучительным было и то, что Англия, с ее свободными порядками, справилась с самовластным Наполеоном, несмотря на его гениальные способности, силу и могущество. Наконец, и Франция после низложения Наполеона получила конституцию: две выборные от части населения палаты стали участвовать в составлении новых законов.

И вот дворянская молодежь, лучшая, передовая ее часть, решила приблизить Россию к западной Европе, создать и у себя на родине конституцию. В 1817 году небольшой кружок офицеров основал в Петербурге Союз Спасения с целью добиться конституции. Это было первое тайное общество, замыслившее переворот, но оно бездействовало. Немногим более делало и второе тайное общество, возникшее после того, как не удалось первое, — Союз Благоденствия, в котором главными членами были те же, кто основал и Союз Спасения. Союз Благоденствия привел только к тому, что многие его члены из гвардейских офицеров стали хорошо обращаться со своими солдатами и тем заслужили их доверие и любовь, а другие основали библиотеки в армии и стали усердно читать сочинения западно-европейских писателей о хозяйстве и устройстве государств. Но так как в этом обществе было много членов ненадежных, от которых хотели избавиться, то в 1821 г. его закрыли, а вместо него учредили два новых общества — Северное в Петербурге и Южное в армии, стоявшей на юге России. Член Северного общества Никита Муравьев составил план переустройства России: власть императора должна была быть ограничена собранием выборных, главным образом, от дворян-землевладельцев, меньше от купечества и еще меньше от крестьян; крепостное право уничтожалось,

но каждый крестьянский двор должен был получить только по 2 десятины земли, остальное оставалось помещикам: Муравьев и его друзья были дворяне и невольно, незаметно для себя защищали даже в своих планах преобразований и улучшений дворянские интересы. В Южном обществе главное значение имел Пестель. Он стоял за республику, то-есть за уничтожение власти царя и замену ее выборным от народа правительством, и за освобождение крестьян, которым должна перейти половина земли, а другая половина должна остаться за помещиками.

Утром 14 декабря 1825 года, когда объявлено было окончательно, что надо присягать новому императору Николаю I, члены Северного общества собрались сами на Сенатской площади в Петербурге и вывели сюда преданные им гвардейские полки. Они объявили, что стоят за Константина и требуют конституции. К восставшим подъехал с увещаниями петербургский генерал-губернатор Милорадович, но его застрелил Каховский, один из декабристов. Николай двинул на них конницу, но она была отражена. Тогда он велел стрелять из пушек, и артиллерийский огонь рассеял восставшие полки.

Две недели спустя началось восстание в южной армии. Пестель был арестован еще раньше, и во главе восставших на юге стояли Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. И здесь восстание было подавлено артиллерийским огнем.

Началось следствие над декабристами, в котором роль главного сыщика и следователя играл сам Николай I. Приговор был заранее подсказан императором через генерала Дибича верховному уголовному суду. Пятеро декабристов—Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский—были повешены, остальные получили суровые наказания — каторгой, ссылкой и долголетним заключением. Всего осуждено было 121 человек. Из них только 29 дожили до манифеста Александра II в 1856 г. и вернулись по этому манифесту из Сибири.

II.

Личность Николая I.

Восстание декабристов показало, что прошли времена, когда все дворянство горой стояло за самодержавие и крепостное право. Готовилась последняя, отчаянная попытка защиты крепостничества. Эту защиту могли теперь взять на себя только завзятые крепостники, грубые, жестокие и вместе трусливые, как огня боявшиеся всякой свободы и самостоятельности, самостоятельности общества и народа, только самые отсталые из дворян.

К числу таких людей принадлежал и сам император Николай I. Главное чувство, которому подчинялось всё в его личности, было чувство страха за свое существование, общее всем крепостникам того времени. Уже с детства Николай проявлял большую робость, даже трусость: он сильно боялся матери, боялся выстрелов, грозы, воды. Воспитатели развивали в нем то же чувство: держали его точно в тисках, постоянно бранили, били линейкой, ружейным шомполом. Один из них, генерал Ламздорф, доводил его почти до бесчувствия, ударяя головой об стену. Зная о своих правах на престол, Николай не посмел заявить о них сразу открыто. Позднее он всю жизнь боялся дворянства: созывая секретные комитеты по крестьянскому делу, Николай сразу же отказывался от всяких самых ничтожных облегчений крепостного права, как только ему напоминали о возможном недовольстве дворянства. Еще больше боялся Николай крестьян: здесь его успокаивало то, что продолжало существовать крепостное право, обеспечивавшее ему в лице дворян—владельцев крепостных душ, по его собственным словам, „сто тысяч полицеймейстеров“. Больше всего он боялся либералов, сторонников конституции: вот почему он сам чинил сыск над декабристами и так строго наказал их; поэтому же он по-

дозрительно смотрел на студентов, пытался подавить все революционные движения в Европе. 14-е декабря навсегда оставалось в его памяти, как страшная угроза, вызывавшая трепет: всякое проявление ненавистного либерализма вызывало у него слова: „это мои друзья 14 декабря“.

Лучшим средством сохранить свою жизнь и власть Николаю I казались порядок, дисциплина, полное повиновение ему всех в России. Воспитать дисциплину, порядок, повиновение могла, по его мнению, только военная служба. Отсюда происходила его любовь к военному делу. Но собственно он любил не войну и не военное дело само по себе, а форму, команду и внешность. По собственным словам Николая, его привлекали к военной службе „порядок, никакого всезнайства и противоречия, подчинение одной цели“. Фронтальная часть была единственным любимым занятием Николая, и в ней он обнаруживал необыкновенные знания: „иногда, стоя на поле, он брал в руки ружье и делал ружейные приемы так хорошо, что вряд ли лучший ефрейтор мог с ним сравняться, и показывал также барабанщикам, как им надлежало бить в барабан“.

В этом именно смысле он смотрел и на всю жизнь как на службу, на крепостное военное право: не даром умирая, он говорил своему сыну: „сдаю тебе команду“. Даже на свою деятельность как царя он смотрел, как на военную команду на параде. И в управлении государством он не признавал ничего, кроме бессмысленного, слепого повиновения. „Сомневаюсь“, написал он однажды в начале своего царствования, „чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в указанном мною направлении, коль скоро ему предписана точная воля“.

Как поступают со своими врагами люди, вечно дрожащие за свое существование? Когда эти враги сильны и опасны, такие люди лицемерят с ними, притворяются, хитрят; когда же враги слабы, побеждены, находятся в руках их, — они обрушиваются на них со всею воз-

можною суровостью, поступают совершенно беспощадно.

Так действовали Николай I. Это лучше всего видно из его отношения к декабристам во время следствия над ними. Одних он попрекал, как Трубецкого, тем, что ему, аристократу, „не стыдно быть с такой дрянью“, других, зная их родственные чувства, пытался привлечь к себе и вызвать на откровенность вниманием к их родным: так он поступил с Рылеевым, послав его жене 2.000 рублей, и с Оболенским, разрешив передать ему письмо отца; третьих, как Каховского, прельщал тем, что плакал при его горячих речах о неустройстве родины, и уверял, что он сам—первый гражданин отечества и сторонник конституции; четвертым обещал легкое наказание, как тому же Каховскому и Пестелю. Ему поверили, и многие, в том числе Рылеев и Каховский, открыли всё, что знали о себе и других. А на самом деле он всех обманывал, просто боялся за свое существование и неумолимо искал всех нитей заговора с тем, чтобы все эти нити с корнем вырвать и успокоиться. И когда, действительно, узнал все, чего хотел,—резко переменял свое обращение: Каховского потом больного держали в сырой яме, а те, кому было обещано легкое наказание, подверглись казни.

Еще в детстве Николай ни в одной игре не обходился без грубой брани и драки. Грубость и крик были обычны и в юноше. И взрослым он был не общителен, холоден, строг, суров и потому нелюбим никем. „Сами извольте знать,—вас не любят“, говорил ему Милорадович.

Науки он не любил, скучал во время занятий, никогда не читал книг. Острил так грубо и плохо, что смеялся своим остроумам только сам.

Одним словом Николай I был грубый, ограниченный человек, дрожавший за свою жизнь и власть и прикрывавший свою трусливость требованием полного повиновения и солдатской муштровки, пригодной только для парадов. Крепостное право и самодержавие—вот

без чего он никак не мог обойтись. В этом он вполне сходился со многими дворянами-крепостниками того времени.

III.

Внутренняя деятельность Николая I.

Понятно, что и вся внутренняя деятельность Николая I направлена была на укрепление самодержавия и крепостного права. Чувствовалось, что крепостное право уже отживает свое время. Крестьяне усиленно волновались. За тридцатилетнее царствование Николая одних только значительных крестьянских бунтов насчитывалось 556, причем часто они сопровождались убийствами помещиков и их управляющих и поджогами помещичьих усадеб. Надо было как-нибудь успокоить или хотя бы уменьшить эти волнения. И вот Николай I созывает целый ряд секретных комитетов по крестьянскому делу, в которое призывались, главным образом, чиновники и лишь отчасти помещики, да и то служащие на государственной службе. Почти все эти комитеты работали совершенно бесплодно. Ничего не сделали для крестьян. Некоторое, и то небольшое, значение имел только один комитет, выработавший так-называемый закон об обязанных крестьянах, предложенный графом Киселевым и изданный в 1842 году.

Киселев был умный и ловкий человек, понимавший, что, если еще можно спасти крепостное право, то ни одними лишь мерами строгости, а заботой о крестьянском хозяйстве: сытый мужик куда спокойнее голодного! Поэтому, будучи назначен министром государственных имуществ, Киселев позаботился об улучшении хозяйства государственных крестьян, причем преследовал больше всего цель увеличения доходов казны: сбор податей с них увеличился на одну пятую за время его управления, а недоимки уменьшились вдвое. Тут не было ничего, что вело бы к освобождению крестьян;

напротив, Киселев дал помещикам пример разумного крепостнического попечения о крестьянах. Такой же разумной уступкой с сохранением всех выгод для помещиков был и закон об обязанных крестьянах. По этому закону помещикам разрешалось освобождать своих крестьян целыми имениями, но не с наделением землей в собственность, как было по закону 1803 г. о свободных хлебопашцах, а с уступкой земли в вечную, наследственную аренду под условием отбывания крестьянами за эту землю на помещика барщины, то-есть работы на барской, дворянской пашне, или уплаты оброка хлебом или деньгами. Крестьяне действительно были „обязанные“, то-есть те же крепостные, и даже можно было вернуть их прямо в крепостное состояние, если они были неисправны в отбывании барщины и в платеже оброка. Обязанных крестьян оказалось гораздо еще меньше, чем вольных хлебопашцев. Значительного влияния закон 1842 года, следовательно, не имел.

Никаких других перемен во внутреннем управлении в царствование Николая I произведено не было: всё оставалось по старому. Единственной новостью было учреждение корпуса жандармов с тою же целью охраны самодержавия и крепостного права. Жандармы—это политическая полиция, обязанности которой заключались в том, чтобы посредством шпионства, обысков, арестов и ссылок преследовать всех, кто борется против самодержавия и крепостного права. Рассказывают, что когда начальник (шеф) жандармов граф Бенкендорф просил Николая I дать ему инструкцию или наказ, как следует править ему свою должность, то Николай подал ему белый платок. Сторонники самодержавия толковали это в том смысле, что император будто бы этим хотел указать на обязанность жандармов утирать слезы вдовам, сиротам и всем притесняемым. Но всем хорошо известно, что жандармы не только не утирали чужих слез, но, напротив, многих заставляли проливать слезы. Белый платок означал здесь полную неограниченность прав жандармов: на нем ничего не

было написано; никакие законы не были писаны и для жандармов.

Жандармским духом проникнуто было при Николае I все управление. В особенности силен он был в школе и по отношению к печати—газетам, журналам и книгам. И школой и печатью заведывал тогда министр народного просвещения граф Уваров. Он поставил себе задачей поддерживать три основы господства дворянства в России—православие, самодержавие и народность, причем под народностью разумелось крепостное право. При этом Уваров требовал, чтобы все профессора и учителя во всех школах прославляли и укрепляли эти основы в сознании учащихся. Он был, например, очень доволен лекцией профессора Московского университета Погодина, который доказывал студентам, что русская история не похожа на европейскую, что в ней много чудес, и всё хорошее произошло от правительства, которому безусловно подчиняться и учить русская история. Все школы, в особенности университеты, были подчинены надзору и власти всемогущего начальства, обязательны стали только одобренные начальством учебники, в начальную школу введена была плата за учение, что делало ее доступной только для детей зажиточных родителей; дети купцов, мещан, тем более крестьян допускались в средние школы и университеты только с большими затруднениями. В университетах запрещено было обучать некоторым наукам, которые были признаны вредными, и число студентов было сильно сокращено.

Печать была подчинена строгой цензуре, без разрешения которой нельзя было печатать ни строчки. Цензорам—чиновникам, заведывавшим цензурой—было приказано строго следить, чтобы в книгах, газетах и журналах не проводились хотя бы в скрытом виде какие-либо вредные мысли. И если правительство—министр народного просвещения, шеф жандармов или сам император—находило, что цензура пропустила какую-нибудь вредную статью или книгу, то наказыв-

вался не только цензор, но и писатель. Однажды три писателя, всегда служившие самодержавию, были, по приказу Николая, посажены под арест только потому, что поспорили о романе, написанном одним из них с целью восхвалить самодержавие и преданность русского народа царской власти. Журналы постоянно запрещались. За одну статью Чаадаева, издатель журнала Надеждин был сослан, а сам Чаадаев отдан под врачебный надзор, как сумасшедший. Покровительством правительства пользовались продажные писатели, не гнушавшиеся доносами. Таковы в особенности были Булгарин и Греч, нажившие большие капиталы на издании газеты „Северная Пчела“, потому что ей одной из всех газет разрешено было печатать иностранные политические известия. Получая эти выгоды, Булгарин и Греч распинались в своих книгах, газетах и журналах за самодержавие, православие и крепостное право, клеветали на всех, доносили и лгали безнаказанно. Но и их это не избавляло иногда от гауптвахты, а помощник шефа жандармов генерал Дубельт, не стесняясь, ругал иногда Булгарина и даже ставил его в угол. Когда во Франции в 1848 году произошла революция, то Николай I удвоил строгости по отношению к печати; кроме обыкновенной цензуры, был учрежден особый комитет, который положительно свирепствовал по отношению и к писателям, и к цензорам. Знаменитый писатель Белинский только смертью избавлен был от ареста, Пушкин и Лермонтов многие годы провели в ссылке. По всем этим причинам последние годы царствования Николая I были самым мрачным, самым тяжелым временем, какое когда-либо пережила Россия.

IV.

Польское восстание 1830—1831 годов.

Еще Александр I своим отношением к конституции, которую он сам дал Царству Польскому, показал, что

он выше всего ценил самовластие: он требовал от польского сейма полной покорности, созывал его реже, чем следовало по закону, употреблял большую часть доходов Польши на содержание армии, которая должна была поддерживать политику Священного союза в Европе. Его представители в Царстве Польском—великий князь Константин и Новосильцов—распоряжались там самовольно, нарушая закон: они производили аресты и установили цензуру. Так продолжалось и при Николае I. Николай был особенно раздражен снисходительным приговором польского сената над поляками, находившимися в сношениях с декабристами.

Польское дворянство было недовольно нарушениями конституции. Недовольно оно было и тем, что нельзя было вывозить польский хлеб в Германию и Австрию, потому что для покрытия расходов на армию были установлены высокие пошлины на немецкие и австрийские товары, и тогда Пруссия и Австрия обложили пошлинами польский хлеб. Еще больше волновались студенты и молодые офицеры. Поэтому, когда во Франции в июле 1830 года началась революция,—восстала и Польша. Константин с русскими войсками ушел в Россию.

Польское дворянство думало переговорами склонить Николая I к тому, чтобы он согласился соблюдать в точности конституцию, данную в 1815 году Александром I. Революционная польская молодежь была слаба. Крестьянство, притесняемое помещиками, относилось к конституции равнодушно.

Николай I, ненавидевший конституцию, не хотел идти ни на какие соглашения и отправил против поляков армию под начальством Дибича, а когда Дибич умер от холеры, главнокомандующим был назначен Паскевич. Еще Дибич разбил польскую армию при Остроленке, а Паскевич взял Варшаву. Восстание было подавлено. Царство Польское лишилось конституции 1815 года и стало управляться на одинаковых условиях с другими частями Российской империи.

V.

Внешняя политика Николая I.

Отношение к Царству Польскому, усмирение в нем восстания, уничтожение конституции показывают, что Николай I и здесь, как и во всей своей внутренней политике, твердо проводил охрану самодержавия. Будучи внутри России жандармом, он и во внешней политике своей хотел быть европейским жандармом.

Еще в конце царствования Александра I начались волнения в областях Турции, населенных греками. В городах там появилось богатое греческое купечество, которое вело морскую торговлю, и даже морская торговля России—вывоз русских товаров из городов, лежащих по берегам Черного моря,—производилась купцами и моряками из греков. Понятно, что это купечество стремилось к освобождению от турецкого владычества. И вот началось восстание в Греции.

Александр I, верный целям Священного союза, хотел бороться против всяких революций и был противником греческого восстания. Так же смотрел на это восстание и Николай I. Тогда греки отдались под покровительство Англии, и Франция и Россия, чтобы не допустить влияния одной Англии, соединили свои корабли с английскими, и при Наварине произошло морское сражение, где турецкий флот был уничтожен. А затем Николай I стал носиться с мыслью о разделе Турции и о приобретениях России за ее счет и объявил войну Турции. Взята была Варна, русские войска, под начальством Дибича, перешли через Балканы, и в 1829 г. в Адрианополе был заключен мир, по которому Россия получила земли, лежащие у устьев Дуная, и весь восточный берег Черного моря на Кавказе. Греция получила право собственного внутреннего управления, и управлять ею послан был грек, граф Каподистрия, бывший министром иностранных дел в по-

лпедние годы царствования Александра I. Каподистрия о мысли Николая I, должен был насадить в Греции, самодержавие по русскому образцу, и усердно стал стараться сделать это. Тогда он был убит, и в Греции установился конституционный образ правления: греки вовсе не желали самовластия, греческое купечество хотело само управлять страной.

Жандармская политика Николая I в Греции потерпела таким образом неудачу. Удачнее была его другая попытка провести эту политику—в Венгрии.

В 1848 году вспыхнула революция во Франции, Пруссии и Австрии. Николай I с ужасом и негодованием увидел, что порядки в иностранных государствах, близкие к русскому самодержавию, падают, исчезают. Он видел в этом опасность для себя и для самодержавия в России и ждал только удобного случая, чтобы помочь подавлению революций на западе Европы. Такой случай скоро и представился. Австрийский император Франц-Иосиф подавил революцию в Вене, но он не мог собственными силами справиться с революцией в Венгрии. Ему на помощь пришел Николай I. Русские войска под начальством Паскевича разбили венгерскую армию при Вилагоше в 1849 году и восстановили самодержавие австрийского императора.

Затем Николай I послал на помощь турецкому султану русское войско против восставшего на него египетского паши. Однако, турецкий султан поспешил отослать русские войска обратно, боясь их больше, чем самого египетского паши: Николай I действительно собирался сделать захват части турецких владений у Константинополя.

В конце своего царствования Николаю I пришлось вести еще одну войну, очень тяжелую для России и весьма продолжительную. Поводом к этой войне, названной Крымской, потому что она происходила, главным образом, в Крыму, около Севастополя, послужил спор из-за того, кому должны принадлежать ключи от храма Гроба Господня в Иерусалиме,—православному

духовенству, которому покровительствовала Россия, или духовенству католическому, находившемуся под покровительством Франции. Но причины были глубже: Англия и Франция давно тяготились вмешательством Николая I в дела европейских государств и поддержкой, которую он везде оказывал старым порядкам и самовластию. Николай хотел в особенности в Турции распорядиться совершенно самовластно: он требовал от султана, чтобы подданные султана—православные сербы и болгары могли жаловаться на турецкое правительство русскому императору. Султан отказал, и началась война с Турцией в 1854 году. Русский флот под начальством адмирала Нахимова уничтожил турецкие корабли в Черном море около города Синопа. Тогда Англия и Франция объявили России войну, высадили свои войска в Крыму и осадили Севастополь. Россия оказалась слабее и беднее своих противников, и после одиннадцатимесячной осады Севастополь был взят в 1856 г. уже в царствование Александра II. По миру, заключенному в Париже, Россия уступила Турции земли у устья Дуная и потеряла право иметь военный флот на Черном море. Это было тяжкое поражение России.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царствование Александра II (1855—1881 г.г.).

I.

Отмена крепостного права.

К тому времени, как на престол в 1855 году вступил Александр II, вполне выяснилась необходимость отмены крепостного права в России.

Нам уже известно, что крестьянские бунты при Николае I делались всё чаще и сильнее. Было ясно, что если крепостное право сохранится еще на долгое время, то произойдет общее восстание крестьян в России. Сам император сознавал это и сказал впоследствии московским дворянам, что если не освободить крестьян сверху, волею правительства, то они освободят себя сами,—освобождение произойдет снизу. Крестьянские волнения и были главной силой, вызвавшей отмену крепостного права.

Но крепостное право было вредно и тяжело в то время уже не для одних только крестьян, а также и для развития русской фабрично-заводской промышленности. Фабриканты и заводчики, нуждаясь в наемных рабочих, могли найти их только среди помещичьих крепостных, которые отпускаясь их господами на заработки за оброк. Поэтому, платя этим крепостным дворян за их работу на фабриках заработную плату, фабриканты и заводчики вынуждены были повышать эту плату: приходилось оплачивать не только средства содержания рабочего и его семьи, но и оброк, который

он должен платить помещику. Это было невыгодно для фабрикантов и заводчиков, так как увеличение заработной платы уменьшало их прибыль. Поэтому они стали за освобождение крестьян.

Мало того: даже некоторые помещики, владельцы крепостных крестьян, находили выгодной для себя отмену крепостного права. Это были главным образом помещики, которые вводили у себя улучшенное хозяйство или собирались произвести улучшения. При крепостном праве хозяйство шло обыкновенно очень плохо: крепостные рабочие отбывали барщину лениво, работали неохотно, поневоле, не получали от работы на барской пашне никакой для себя выгоды, никакого интереса и поощрения за свой труд не имели. Между тем для хорошего хозяйства с правильным удобрением, хорошим скотом, улучшенными орудиями и машинами необходимы были усердные и искусные рабочие. Единственным средством получить их было уничтожение крепостного права, отмена барщины, наем вольных рабочих, получавших тем большую плату, чем искуснее и усерднее они работают.

Наконец, Крымская война показала, насколько бедна и отстала Россия сравнительно с западно-европейскими странами. Необходимо было поднять ее хозяйство, увеличить богатства, усилить производительность труда. Сделать это без отмены крепостного права было совершенно невозможно, так как крепостной труд всегда плох, малопроизводителен, и крепостное право стесняет предприимчивость, не дает способным людям развернуть свои силы, держит главную массу народа в рабстве и темноте. Некоторые более разумные чиновники еще при Николае I понимали необходимость освобождения крестьян. Иначе, как то показала Крымская война, самому существованию России, как самостоятельного государства, грозила огромная опасность.

По всем этим причинам при Александре II было отменено крепостное право в России манифестом 19 февраля 1861 года. Но хотя освобождение крестьян

произошло главным образом вследствие крестьянских волнений, то-есть под влиянием борьбы самих крестьян за свою свободу,—самый закон о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, был выработан без всякого участия крестьян. Над ним работали только помещики и чиновники.

Дело было так: в каждой губернии были учреждены губернские комитеты по крестьянскому делу под председательством губернских предводителей дворянства из дворян и отчасти назначенных правительством своих представителей также из дворянства и чиновничества. Эти комитеты должны были подготовить все материалы для освобождения крестьян по отдельным губерниям и на основании этих материалов составить свои проекты (предположения или мнения) о том, как и на каких условиях следует отменить крепостное право. Все эти материалы и проекты комитеты пересылали в Петербург, где были устроены редакционные комиссии также из чиновников и дворян. Редакционные комиссии составляли общий проект закона. Для обсуждения его два раза созывались потом особые выборные или депутаты губернских комитетов. Затем проект закона поступил в существовавший также в Петербурге чиновничий Главный Комитет по крестьянскому делу, а оттуда поступил в чиновничий Государственный Совет и, наконец, был утвержден императором. Таким образом, крестьянского голоса ни одного не было,—все сделали одни дворяне и чиновники.

Дело ухудшалось еще тем, что в губернских комитетах большинство были дворяне-крепостники, влиятельны были также богатые дворяне, которые хотели дать крестьянам возможно меньше земли, а в редакционных комиссиях председателем был только сначала Ростовцев, поддерживавший главного сторонника освобождения крестьян Николая Милютина, а потом, по смерти Ростовцева, Александр II, вечно колеблющийся, нерешительный, слабый, назначил председателем прямого врага освобождения крестьян графа Панина.

По всем этим обстоятельствам отмена крепостного права совершилась на условиях, очень невыгодных для крестьян, весьма для них тяжелых.

Первое, что здесь было тяжело,—это крестьянское малоземелье. Крестьяне по закону 19 февраля 1861 года получили далеко не всю землю, какую они пользовались при крепостном праве: около четвертой части этой земли перешло от крестьян к помещикам. Особенно тяжело было положение тех крестьян, которые получили дарственные наделы, без всякого выкупа: закон, установивший для каждой губернии особые размеры наделов,—высший и низший,—разрешил помещикам давать дарственные наделы без выкупа, равные четвертой части высшего для губернии надела, то-есть очень маленькие, так-что они получили название „нищенских“ или „сиротских“.

Тяжело было еще и другое: земля, полученная крестьянами при освобождении, раздавалась им чересполосно с помещичьей, так что помещичья земля нередко отрезывала крестьянскую от леса, от луга, от водопоя, большой дороги, церкви.

Малоземелье и чересполосица заставляли крестьян, вышедших из крепостной зависимости, арендовать помещичьи земли: своей земли не хватало на пропитание семьи, а без чересполосной помещичьей земли совсем нельзя было вести хозяйство.

Но здесь встречалось новое затруднение: денег у крестьян было мало, да сверх того приходилось за полученную при освобождении землю платить выкуп,—особую подать в казну—„выкупные платежи“, очень тяжелые, составлявшие половину всех платежей, лежавших на крестьянах. Крестьянство платило эту подать до 1906 года и заплатило до полутора миллиарда рублей, а помещики получили в 1861 году из казны до 900 миллионов. Поэтому у крестьян денег для уплаты за арендуемую землю не было, и им приходилось соглашаться на аренду земли у помещиков за отработки, то-есть с обязательством обработать на помещика та-

кое же, какое арендуется, количество десятин его барской пашни, или исполу, то-есть под условием уплаты помещику за аренду половины или вообще какой-либо части урожая. Оработки были повторением старой крепостной барщины, а аренда исполу или испольщина—это прежний крепостной оброк. Таким образом, хотя крепостное право и было отменено, но сохранилось, осталось и после этого в сущности крепостное хозяйство.

Но этого мало: в сущности осталось многое и от крепостного права. Правда, крестьяне составляли сельские общества и волости и на сходах выбирали сельских старост, волостных старшин, писарей, сотских, десятских. Но эти выборные сельские власти должны были не заботиться о крестьянских интересах, а главным образом быть сельской полицией, то-есть служить государству,—наблюдать за порядком и собирать подати. А потому они и подчинялись чиновникам—становому приставу, исправнику, или дворянам—мировым посредникам, и эти чиновники могли наказывать частью без суда и крестьян и крестьянских выборных.

Понятно, что крестьяне, разобравшись несколько в данной им воле, решили, что это не настоящая, не подлинная воля, и стали волноваться. В первые годы после освобождения происходили сотни крестьянских бунтов в разных частях России. Бунты эти умирялись военной силой, и проливалась крестьянская кровь.

Таким образом, дворянство мало что потеряло с отменой крепостного права. Богатые дворяне, обезземелившие своих крестьян, даже много выиграли. Да и большинство дворянства устроилось при сохранении обработков и испольщины не хуже прежнего.

И еще одна выгода получилась для дворян от того, что Александр II издал закон 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права: этим укреплено было царское самодержавие, то-есть сохранение государственной власти за дворянством. Крестьяне видели, что освобождение дал царь и это укрепляло веру их в царя и в

его заботы о крестьянстве, о народе. Правда, крестьяне видели и чувствовали, что воля дана не настоящая, но они, слепо веря в царя, объясняли это тем, что царь и хотел бы дать настоящую волю, да ему мешают это сделать дворяне и чиновники, враги народа. Крестьянство верило, что придет „слушный“ час, и царь своей золотой грамотой даст, наконец, ему настоящую волю и всю землю.

Таким образом, самая главная из „великих“, как их обыкновенно называют, реформ Александра II была совсем не великой, а только некоторой, сравнительно небольшой переменной в положении крестьянства. Но все-таки это была перемена, и особенно важна она была в том отношении, что наполовину и помещики должны уже были пользоваться наемным трудом в своих хозяйствах, и в то же время в русской фабричной промышленности получилась возможность нанимать рабочих, не плативших уже оброка помещику и не зависевших от его воли, то-есть на условиях более выгодных для фабрикантов и заводчиков. Когда в хозяйстве главное значение имеет наемный труд и нанимающий его капитал, то такое хозяйство называется капиталистическим. В капиталистическом хозяйстве главную важность имеет уже не крепостник-помещик, а капиталист, предприниматель, владелец капиталистического предприятия, основанного на наемном труде, все равно, будь то предприятие сельскохозяйственное или фабрично-заводское или торговое. Такие капиталисты-предприниматели составляют особую часть или класс общества, который называется французским словом буржуазия. Поэтому можно сказать, что реформа 19 февраля 1861 года была, при всех остатках старинного крепостничества, ею сохранных, началом перехода в России к капиталистическому хозяйству и буржуазному устройству общества.

Буржуазное общество нуждается в более правильном ведении общественного хозяйства. Старое дворянское самодержавие знало и могло знать и ведать почти

только одно—порядок и поддерживавшую его полицию. Это оно сохранило и даже усилило и после отмены крепостного права. Но оно и не хотело и, главное, не могло заниматься устройством местного общественного хозяйства—дорогами, мостами, больницами, школами и тому подобным. Поскольку это было прежде нужно,— это делалось помещиками, дворянами, владельцами крепостных крестьян. Но для них это было нужно весьма мало: торговля была слаба, и о дорогах и мостах заботились немного, да и то чинили их даровым крепостным трудом, школы считали ненужными и даже опасными, потому что образованный крепостной не мог быть доволен своим положением, больниц и врачей было мало. Но при капиталистическом хозяйстве необходимо улучшение путей сообщения, потому что развивается торговля, движение, провоз товаров. Необходимо и некоторое народное образование, по крайней мере грамотность и для наемных рабочих и для служащих. Важна и хоть какая-нибудь забота о здоровье населения как рабочей силы и как покупателя товаров. Все это не под силу старому самодержавию и прежней полицейской власти. И потому приходится призвать к выполнению этого само общество. Так отмена крепостного права привела к земской и городской реформе, к введению земского самоуправления в 1864 году и городского самоуправления в 1870 году.

II.

Земское и городское самоуправление.

Сущность Положения о земских учреждениях 1864 года заключается в том, что в уездах были учреждены уездные земские собрания, выбиравшие для ведения дел земского управления уездные земские управы, а в губерниях губернские земские собрания, которые выбирали губернские земские управы. Правом выбирать

гласных уездного земского собрания пользовались по закону преимущественно землевладельцы дворяне, которые составляли до двух пятых числа всех гласных, а вместе с представителями торгово-промышленного класса составляли всегда большинство, тогда как крестьяне оставались в меньшинстве. Гласные губернских земских собраний выбирались уездными земскими собраниями и в подавляющем большинстве своем состояли из дворян-землевладельцев. Таким образом, земское самоуправление сводилось к тому, что всеми земскими делами заведывали богатые или зажиточные классы, преимущественно дворяне, тогда как крестьяне были весьма мало влиятельны в земстве. Понятно поэтому, что и дорожное, и школьное, и врачебное дело развивались земствами лишь постольку, поскольку это необходимо было для имущих классов общества, то-есть довольно слабо.

К тому же у земства было весьма мало средств: дворяне не расположены были облагать свои земли значительными земскими налогами, повышать обложение фабрик и заводов скоро было запрещено, так как правительство хотело развивать фабрично-заводскую промышленность, а фабриканты и заводчики, бывшие в земствах в меньшинстве, боялись обременения их земскими сборами, а крестьяне были слишком бедны, чтобы платить в земские кассы большие деньги, хотя земства и обложили крестьянскую землю больше, нежели дворянскую; наконец, по закону на земстве лежал целый ряд обязательных общегосударственных расходов—на полицию, расквартирование войск и так далее,—так что у земств оставалось немного денег на самое важное дело, порученное их непосредственному ведению,—на дорожное, школьное и врачебное дело.

Надо прибавить, что земские учреждения находились под контролем и надзором правительства: губернаторы могли опротестовывать земские постановления и задерживать их исполнение, если они находили, что эти постановления противоречат законам.

Так же, как земское, было устроено и городское самоуправление по Городовому Положению 1870 года. Все домовладельцы и вообще плательщики городских сборов делились на три разряда: к первому были причислены крупные плательщики, ко второму средние, к третьему мелкие. В первом разряде было очень немного людей, во втором больше, в третьем большинство. И однако каждый из этих разрядов выбирал третью часть гласных городской думы. Понятно, что в думе преобладали богатые домовладельцы и богатое купечество, и что городская управа и городской голова выбирались из них же. Поэтому городские думы и управы заботились лишь об интересах богатых и зажиточных горожан, о благоустройстве центральных частей городов, тогда как окраины оставались грязными и не освещенными, городские начальные школы и больницы были плохо устроены.

И постановления городских дум могли быть задерживаемы губернаторами, если последние находили, что эти постановления противоречат законам. И вообще земства и города не были самостоятельны в делах, которые входили в их ведение; врачебное дело находилось под надзором правительственных врачебных инспекторов, школьное — под начальством правительственных директоров и инспекторов.

В общем, таким образом, самоуправление было весьма невелико, прямо ничтожно. Почти вся власть по-прежнему оставалась у правительства. Кое-какие новые права получили только богатые слои общества — дворяне-землевладельцы, городские домовладельцы и купцы. Все это понятно при сохранении самодержавия и при том способе отмены крепостного права, который был применен в законе 19 февраля 1861 года: при самодержавии не может быть настоящего земского и городского самоуправления, — все управление остается в руках чиновников; народные массы, лишь наполовину освобожденные, наполовину же оставшиеся на крепостном положении, не могут проявлять самостоятельности.

III.

Судебные уставы Александра II.

Сохранение многочисленных остатков крепостного хозяйства и крепостного права, а также и сохранение самодержавия сильно отразились и на судебной реформе,—на Судебных уставах Александра II 1864 года.

Прежде всего здесь важно то, что для крестьянства, в менее важных делах между крестьянами, сохранены были особые сословные, чисто крестьянские волостные суды. Судьи выбирались волостным сходом и судили по крестьянским обычаям. На деле сплошь и рядом руководил волостной писарь, зависевший от мирового посредника, потом от неперменного члена присутствия по крестьянским делам, так что и здесь власть и влияние чиновников были обеспечены. Надо притом заметить, что волостные суды сохранили право подвергать крестьян телесному наказанию, то-есть сечению розгами, что совсем уже сохраняло обычаи, существовавшие при крепостном праве.

По мелким делам, возникавшим между крестьянами и лицами других сословий, а также и между некрестьянами, вообще, суд был передан мировым судьям, выбиравшимся земскими собраниями. Суд мировых судей был, конечно, лучше старого суда, существовавшего до 1864 года, но и в нем главное значение имели интересы богатых и зажиточных классов, так как в земствах, как нам уже известно, они преобладали.

Для более важных судебных дел установлены были окружные суды и судебные палаты. Главная забота здесь была направлена на то, чтобы в спорах об имуществе, наследстве, договорах (в так называемом гражданском праве), решения основывались на законах: без этого не может жить буржуазное общество, не может существовать капиталистическое хозяйство. Что

касается дел уголовных (об убийствах, грабежах, кражах и так далее), то для разбора их введен был суд присяжных заседателей из общества, решавших вопрос о виновности и невиновности подсудимого, которому затем судьи уже назначали наказание на основании приговора присяжных. Введен был суд устный и гласный, то-есть в присутствии всех желающих из публики, с участием обвинителя-прокурора и защитника-адвоката. Однако защитники не допускались на предварительное следствие, и присяжные заседатели в нем не участвовали. А вскоре затем изъяты были из ведения суда присяжных государственные преступления и преступления печати: те и другие переданы были суду судебных палат—чисто чиновничьему. Правда, объявлено было, что следователи, прокуроры и судьи—несменяемы, то-есть не могут быть уволены от службы, если не будут осуждены судом за преступление; это как будто обеспечивало их независимость от министра юстиции, от влияния на их приговоры и действия со стороны правительства. Но на деле все эти постановления о несменяемости обходились или прямо нарушались, так что интересы чиновничества не страдали. И за преступления по должности суд был чиновничий—тех же судебных палат,—причем для предания чиновников суду за преступление по должности требовалось непременно согласие их начальства. Таким образом обеспечено было по-прежнему самодержавие чиновничества и почти полная его безнаказанность.

IV.

Другие реформы Александра II.

Такой же характер имели и другие реформы Александра II: все они были частичными уступками необходимости, новым условиям жизни при стремлении сохранить возможно больше остатков старины и ничем не поступиться во власти, сохранить старое самодержавие.

После отмены крепостного права невозможно было сохранить старое, крепостное устройство армии. Прежде армия пополнялась рекрутскими наборами исключительно из крестьян и мещан. При этом солдат служил всю жизнь. Обращение с солдатами было жестокое. Побои и телесное наказание существовали постоянно по закону. Господствовала крайняя муштровка, нужная только для парада, а вовсе не для защиты страны.

С отменой крепостного права пришлось отказаться от рекрутчины. В 1874 году введена была всеобщая воинская повинность, то-есть обязательная военная служба всякого, достигшего 21 года мужчины, признанного по состоянию здоровья способным к ее несению. Срок действительной службы установлен был в шесть лет. Но первоначально существовали многочисленные льготы по образованию, семейному положению, службе и так далее. Этот порядок несения военной службы, конечно, легче прежней рекрутчины и не носит такого, как она, резко сословного, тем более крепостного характера. Но все же и всеобщая воинская повинность очень тяжела. И ее нельзя признать демократическим, народным способом защиты страны: таким способом является только всеобщее вооружение народа или всенародная милиция. Всеобщая воинская повинность, введенная в России и других странах по германскому образцу, вполне подходит по своему характеру к капиталистическому, буржуазному общественному устройству.

В 1863 году был издан новый университетский устав, точно определивший устройство университетов и других высших учебных заведений. Профессорские советы и факультеты (отделы университетов) получили до некоторой степени самоуправление: профессора, деканы (председатели факультетов) и ректоры (председатели университетских советов) стали выбираться факультетами и советами; однако необходимо требовалось утверждение избранных министром народного просвещения. Студенты не получили никаких прав по

устройству своих студенческих организаций, ни по участию хотя бы отчасти в управлении или заведывании университетскими делами. В устройстве университетов по университетскому уставу 1864 года многое было заимствовано из Германии.

Закон о печати, изданный в 1865 году, во многом напоминает законы о печати, действовавшие во Франции при Наполеоне III. Для небольших книг и брошюр и для газет и журналов, издававшихся не в Петербурге и не в Москве, установлена была предварительная цензура до напечатания, то-есть цензоры разрешали или запрещали печатать представляемые обязательно на их просмотр рукописи. Для книг более 10-ти листов, выходивших в Москве и Петербурге, и более 20-ти печатных листов, выходивших в других городах, а также для столичных (петербургских и московских) газет и журналов предварительная цензура существовала в несколько облегченном виде: просматривались они уже после отпечатания в типографии, но до выпуска из нее в продажу. Понятно, что все это стесняло печать и не давало ей никакой свободы. Положение печати затруднялось еще тем, что никакая цензура не освобождала писателей от ответственности по суду, причем суд был чиновничий, суд судебной палаты, и сверх того была еще карательная цензура без суда: редакторы и издатели газет и журналов могли за „вредное направление“ подвергаться предостережениям от министра внутренних дел; после третьего предостережения газета или журнал закрывались на срок не более полгода тем же министром.

V.

Начало революционного движения.

Реформы Александра II в значительной степени удовлетворили русскую буржуазию и ту часть землевладельческого дворянства, которая сумела приспособ-

биться к переменам в хозяйстве и общественных условиях, ими произведенным. В сущности это приспособление было бы для них довольно легко, потому что перемены были не особенно глубоки, сохранилось много остатков старины. Поэтому из среды землевладельческого дворянства при Александре II против правительства раздавались голоса только завязтых крепостников, которые на некоторых дворянских собраниях начинали было требовать конституции в особо составленных адресах и заявлениях. Но это движение было слабо и скоро прекратилось: крепостники приспособились к изменившимся обстоятельствам.

Было оппозиционное (противоправительственное) движение в кругах либерального дворянства, также мечтавшего о некотором ограничении самодержавной власти царя. Но оно было еще слабее: главная масса земства и дворянства ему не сочувствовала.

Гораздо больше значения и силы имели революционные настроения и движения в среде учащейся молодежи (студенчества) и интеллигенции, вышедшей из духовенства, мещан, крестьян и мелкого чиновничества. Революционное движение в этих кругах приняло характер так-называемого народничества, а сначала называлось нигилизмом.

Народничество ведет свое начало от Герцена, который воспитался под значительным влиянием заговора декабристов и учения французского социалиста Сен-Симона. Герцен был социалистом, то-есть мечтал о перестройке хозяйства и общества на таких условиях, что земля, фабрики, заводы, орудия, машины, материалы, словом весь капитал, необходимый для производства, для ведения хозяйства, составляли собственность государства, управляемого всем народом, всей демократией. Он надеялся, что эта цель может быть достигнута революцией. В 1848 году он уехал за-границу и остался там до смерти; возвратиться ему было нельзя, вследствие его революционных сочинений; он стал изгнанником, эмигрантом. Герцен жил во Франции

во время революции 1848 года и убедился, что от революции народ, демократия и прежде всего рабочий класс не получили почти ничего, выгоды и приобретения все достались буржуазии, богатым классам. Рабочий класс был разбит, и Герцену казалось, что всякая надежда на социализм на западе Европы исчезла. Но он знал, что в России есть крестьянская земельная община, мирское, общинное владение землей и ремесленная или рабочая артель. Он думал, что в общине и артели и есть зародыши социализма, и что, следовательно, русские крестьяне социалисты, хотя и не сознающие этого. Когда они это сознают, они своим социализмом спасут всю Европу, весь мир от капитализма и буржуазии. Вера в эту народную, крестьянскую, социалистическую правду и составляет основу народничества. Ее и стал проповедывать в своих сочинениях Герцен.

Но Герцен был сам богатый дворянин и хотя и был врагом крепостного права, но поддерживал отмену крепостного права, произведенную 19 февраля 1861 года, отстаивая лишь уступку крестьянам больше земли, чем им было дано, и по более дешевой цене, чем установил закон.

Студенчество и интеллигенция были недовольны реформами Александра II и полагали, что для решительных успехов и для блага народа необходима полное уничтожение остатков старины. Отсюда происходили разрушительные учения их, как их называли, нигилизм, отрицание всего старого.

Но на самом деле нигилисты не только отрицали старое, а хотели строить новое и были такими же народниками, как Герцен, только более демократическими. Думали одно время поднять крестьян. Писатели Михайлов и Чернышевский еще в шестидесятых годах писали воззвания к народу с призывом к восстанию и понесли за это жестокое наказание каторгой. В семидесятых годах началось так-называемое „хождение в народ“. Молодежь и интеллигенция переодевались кре-

стьянами, торговцами-коробейниками, рабочими и шли в народ, отправлялись в деревню, чтобы пробудить в крестьянах сознание, что они социалисты, потому что у них есть община и артель. Думали, что, если народ сознает это, он восстанет, уничтожит царизм и самодержавие и утвердит социализм. Составилось даже целое тайное общество для этого под названием „Земля и Воля“.

Крестьяне иногда слушали этих проповедников социализма, интересуясь их странными речами, но серьезного из этого ничего не выходило. К тому же полиция строго преследовала хождение в народ, и начались аресты, ссылки и высылки. Было ясно, что дело безуспешно.

Тогда часть членов общества „Земля и Воля“ решила, что для свободы общения с народом необходимо уничтожение самодержавия и введение конституции. Так как восстание для этой цели поднять было невозможно, то решили действовать убийствами полицейских, жандармов, губернаторов, министров, наконец, покушениями на жизнь самого царя. Этим надеялись устроить власти и принудить их дать конституцию, а также и вызвать восстание народа. Для этого устроено было новое тайное общество—„Народная Воля“.

Это общество, главным руководителем которого был Желябов, устроило ряд покушений и убийств. 1-го марта 1881 года после ряда неудачных покушений был убит в Петербурге Александр II. Виновники этого, в том числе и Желябов, были казнены. Но конституция дана не была, и восстание тоже не произошло. Правда, Александр II незадолго до 1 марта думал было сделать кое-какие небольшие уступки, сохранив на деле самодержавие: его министр граф Лорис-Меликов предлагал допустить в Государственный Совет выборных от земств; но это не была конституция, тем более, что и Государственный Совет не имел власти: он лишь давал советы царю при издании новых законов, причем царь мог слушать или не слушать эти советы. Конечно, это не могло

удовлетворить партию Народной Воли. Но и эти планы привлекли на сторону правительства земских либералов, и они были против революционного движения и действий Народной Воли. Вскоре после 1881 года правительство мерами строгости совсем уничтожило общество Народной Воли. Первые революционные попытки при Александре II таким образом не имели успеха: революционеров была ничтожная кучка, и никто их не поддерживал, за них не стоял народ. Казалось даже, что убийство Александра II упрочило, укрепило самодержавную царскую власть.

VI.

Внешняя политика Александра II.

Россия и при Александре II далеко отставала от западно-европейских стран: ей трудно было догнать их, сравняться с ними, потому что реформы Александра II не были достаточно глубоки и решительны. Но по отношению к своим соседям в Азии Россия все же шагнула далеко вперед еще и раньше, до Александра II. Поэтому она могла расширяться за их счет и распространять на соседние азиатские страны свою торговлю. Богатый природою Кавказ, Средняя Азия, Приамурский и Приморский край на Дальнем Востоке, за Сибирью— вот те приобретения, которые были сделаны Россией в ее внешней политике.

Еще при Павле и окончательно при Александре II к России присоединилась в Закавказье Грузия (нынешние Тифлисская и Кутаисская губернии), много терпевшая от турок и персиян. Еще Петр Великий завоевал на Кавказе на берегу Каспийского моря Дербент. При Николае I были завоеваны от Персии Баку и Эривань. Таким образом, пред Кавказскими горами и за Кавказом у России были владения, земли, ей принадлежавшие, но в самих Кавказских горах оставались независимые горные племена—чеченцы и черкесы,—которые

вели непримиримую войну с русскими войсками. Война эта началась при Александре I, продолжалась все царствование Николая I и 10 первых лет царствования Александра II, пока, наконец, князь Барятинский не победил и не взял в плен вождя горцев Шамиля. Так завоеван был Кавказ.

Средняя Азия завоевана была Черняевым, который взял Ташкент, и Кауфманом, покорившим Хиву и Бухару. Она дала России возможность впоследствии получать половину всего хлопка, необходимого для производства хлопчатобумажных изделий.

Наконец, при Александре II особым договором с Китаем положено было начало русским владениям на Дальнем Востоке, по нижнему течению р. Амура.

Совершенно иными были основы внешней политики России при Александре II по отношению к европейским державам.

Александр II слыл за либерального царя, и реформы, проведенные в его царствование, укрепляли такое о нем мнение во многих. Но мы видели уже, что обычная оценка реформ Александра II слишком высока. На самом деле эти реформы во многом сохранили старину. Точно также и Александр II только казался издали, на поверхностный взгляд, либералом. Правда, он был человек мягкого и слабого характера, безвольный, постоянно колебавшийся и подчинявшийся разным посторонним влияниям. Но личные его наклонности и свойства недалеко ушли от самовластия Александра I и Николая I. Он любил роскошную жизнь и раздарил своим братьям и другим родственникам много прекрасных казенных имений; он взял в Кабинет, то-есть в личную собственность царя, много богатых земель на Кавказе, в Крыму и особенно в Сибири. Он серьезно рассердился на одного из своих министров финансов, когда тот спросил его, сколько надо назначить казенных денег на содержание императорского двора. Александр II так же, как Александр I и Николай I, любил власть и не хотел отказываться от самодержавия.

И русское дворянство и чиновничество также твердо стояли за царское самодержавие; оно обеспечивало им и власть и богатство.

Между тем на западе Европы и после революции 1848 года, несмотря на поражение революционеров, самодержавие погибало. В Англии королевская власть сохранилась только по имени. Во Франции с 1870 года утвердилась республика. В Германии и Австрии, правда, остатки самодержавия сохранялись, но значительная часть власти перешла к выборным от народа законодательным собраниям. Россия оставалась последним оплотом самодержавия.

И вот круги, окружающие Александра II, и сам он стали приходить к сознанию, особенно вследствие роста революционного движения в самой России, что русскому самодержавию грозит опасность погибнуть, и необходимо поискать союзников. В русском дворянстве еще при Николае I образовались две партии — западники и славянофилы. Западники стояли за западно-европейские порядки и отстаивали необходимость конституции. Славянофилы были противниками конституции и полагали, что союзниками самодержавной России в борьбе с конституционным Западом могут и должны быть православные славянские народы — сербы и болгары, — находившиеся под властью Турции. Россия, по мнению славянофилов, должна была освободить эти народы и или присоединить к себе совсем, или взять под свое покровительство, причем и у освобожденных от турецкого владычества славян должно господствовать самодержавие, так что новые славянские государства во всяком случае будут союзниками русского самодержавия в борьбе с западным конституционализмом и революцией. Мечтали славянофилы и о завоевании у Турции Константинополя, и о том, что там будет столица всеславянского царства, а русский император будет всеславянским царем. Все эти планы и мечтания были по душе Александру II и особенно его наследнику и близким ему людям.

Между тем в 1876 г. началось восстание сербов в турецких провинциях Боснии и Герцеговине. Сербские и болгарские крестьяне, подвластные Турции, находились в кабале, крепостной зависимости от землевладельцев турок и принявших магометанство славян. Они желали освобождения, и отсюда происходили их восстания.

Восстание 1876 года было поддержано сербским княжеством. На помощь сербам пошло несколько тысяч русских добровольцев, и начальником сербской армии стал русский генерал Черняев, покоритель Ташкента. Но силы сербов были невелики, и турки их победили. Сербии грозила окончательная гибель. Вот тут-то славянофильские планы и мечты и сказались: решено было объявить войну Турции.

Война началась в 1877 году успешным переходом русских через Дунай. Но за Дунаем под Плевной русские три раза потерпели поражение. И хотя генерал Гурко перешел было уже за Балканы, но вынужден был поэтому вернуться. Три месяца продолжалась осада Плевны, где засел Осман-паша, причем при этой осаде особенно отличился генерал Скобелев. Наконец, Осман-паша, под влиянием голода и болезней, начавшихся в осажденном городе, решил прорваться, но потерпел неудачу и сдался. После этого русские войска под начальством Скобелева и Гурко снова перешли через Балканские горы и подошли к Константинополю. В 1878 г. в местечке Сан-Стефано близ Константинополя был заключен мир, по которому Сербия и Румыния были объявлены независимыми от Турции и образовано было Болгарское княжество, обязанное платить дань Турции. Россия получила устья Дуная, а в Азии Карс, Ардаган и Батум. Но надежда создать из балканских государств союзников русского самодержавия не удалась, и в Румынии, и в Сербии, и в Болгарии, как раньше в Греции, утвердилось выборное от народа правление: власть князей была ограничена законодательными собраниями, выбирающимися народом. Восторжествовал, значит, конституционализм, а не самодержавие.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Царствование Александра III (1881—1894 г.г.).

I.

Личность Александра III.

Александр III был горячим и верным сторонником и вождем тех славянофилов, которые мечтали о поддержке самодержавия славянскими народами. Он вообще воспитан был в убеждении, что самодержавие необходимо России, что без него она погибнет, и что опорой самодержавия является землевладельческое дворянство. Лично довольно бережливый, даже скуповатый, не любивший такой роскоши, какая господствовала при Александре II, Александр III был однако непримиримым врагом всякого либерализма, противником конституции, сторонником самодержавия. Самыми влиятельными людьми при нем были сначала обер-прокурор синода Победоносцев, министр внутренних дел граф Дмитрий Толстой,—оба сторонники самодержавия,—и согласный с ними, иногда даже руководивший ими в деле борьбы с либерализмом и революцией, писатель Катков. Александр III любил тихую, покойную жизнь и большую часть своего царствования прожил замкнуто, не показываясь в обществе и тем более в народе,—в Гатчине близ Петербурга. Этот замкнутый образ жизни он вел в значительной степени потому, что боялся покушений на свою жизнь. Все стремления Александра III были направлены на то, чтобы сохранить самодержавие, укрепить положение дворянства и вообще задержать в России всякое дви-

жение вперед. Памятник Александра III в Петербурге, созданный Трубецким, ясно и верно выражает этот характер царя и его царствования: грузный, тяжелый всадник—самодержавный царь—сдерживает, пятит назад уздой могучего коня—Россию, рвущуюся вперед.

II.

Внутренняя политика Александра III.

Внутренняя политика Александра III именно и направлена была на то, чтобы задержать в России всякое движение вперед и даже по возможности направить страну вспять, назад.

Такова была, например, политика министерства внутренних дел при графе Дмитрие Толстом. Им были подготовлены, а потом были проведены три главных закона—о земских начальниках в 1889 году, об изменении Положения о земстве в 1890 г. и об изменении Городового Положения в 1892 году.

Земские начальники прежде всего заменили мировых судей в разборе мелких судебных дел. Но мировые судьи выбирались земствами, а земские начальники назначались министром внутренних дел, причем требовалось, чтобы назначаемые принадлежали по преимуществу к дворянству. Уже это уничтожило всякую независимость земских начальников от министра и губернаторов. Но еще важнее этого было то, что земские начальники были не только судьями, но и правителями, администраторами, так что и суд и управление сосредоточились в одних руках, разделены уже не были. Судить, значит, стало начальство, не отвечающее за свои действия и по суду и по управлению ни перед какой частью общества, даже перед дворянским по преимуществу земством. К тому же земские начальники имели особые права по отношению к крестьянам и крестьянским выборным—старшинам, старостам, писарям, сотским, десятским. В некоторых случаях они

могли их наказывать штрафом и арестом даже без суда, а если и по суду, то ведь суд-то был судом их же самих, земских начальников. Все это приводило к тому, что земский начальник имел власть, во многом сходную со старой властью помещика над крестьянами при крепостном праве. Это составляло цель закона о земских начальниках: хотели отдать крестьянство под опеку дворян в виде земских начальников; всю власть — и по уравнению и по суду — хотели сохранить за дворянством, надеясь этим держать в темноте и полном подчинении деревню и помешать там работе революционеров.

То же стремление усилить дворянство, дать ему всю власть видно и в новом законе о земстве, изданном в 1890 году. По этому закону дворяне-землевладельцы выбирали от себя гласных особо, а крестьяне выбирали не гласных, а кандидатов в гласные в тройном числе сравнительно с числом гласных, полагавшихся от крестьян по закону; из этого числа крестьянских кандидатов в гласные губернатор назначал гласных от крестьян. Выходило таким образом, что гласные от крестьян в сущности не выбирались, а назначались начальством. И потому в земстве от имени крестьян говорили и действовали не те, кому доверяло крестьянство, а те, кто был угоден начальству. Кроме того, было так установлено, что теперь и в уездных земских собраниях большинство гласных были дворяне, и, следовательно, дворянство могло проводить в земстве одно все, что хотело, как бы ни сопротивлялись этому гласные от других сословий. Так земство превратилось в сословное дворянское собрание, соблюдавшее всецело интересы дворянства.

Но и этому дворянскому земству самодержавное царское правительство не доверяло. Прежде только незаконные постановления земских собраний могли отменяться министром. Теперь губернаторы и министр внутренних дел получили право судить не об одной только законности, но и о пользе или вреде земских поста-

новлений, то-есть земство потеряло всякую самостоятельность, стало зависеть прямо от правительства, как зависят все чиновники. Нельзя стало, по закону, выбирать крестьян председателями земских управ. Наконец, ограничено было право земств повышать обложение земель земскими сборами.

Такое же в общем значение имело и новое Городовое Положение 1892 года с тем только различием, что в городах преимуществами стали пользоваться не дворяне, а богатые домовладельцы, фабриканты, заводчики и купцы, а мелкие домовладельцы и вообще горожане не богатые совсем почти лишились избирательных прав и участия в городских думах и управах. И постановления городских дум губернаторы, градоначальники и министр получили теперь право отменять не только по той причине, что они противоречат закону, но также и потому, что найдены правительством вредными для государства или для местных интересов. Таким образом и городское самоуправление, во-первых, перешло в руки зажиточных и богатых горожан, во-вторых, перестало даже в сущности быть самоуправлением,—сделалось простым чиновничьим учреждением, зависящим от министра внутренних дел, отчасти даже от губернаторов и градоначальников.

Кроме всего этого разрушения даже того нового, которое было в небольших размерах дано реформами Александра II, при Александре III развит был до крайних пределов административный произвол, действия должностных лиц,—министров, губернаторов, полиции и жандармов,—не основанные на законе, налагавшие наказания без всякого суда. С 1881 года Россия жила все время до 1917 года на основании Положения об усиленной охране, так что заключение в тюрьму, ссылки, высылки без суда стали постоянными явлениями, причем этому всему подвергались люди, даже не совершавшие никаких преступлений, а просто казавшиеся правительству „вредными“.

Но и суд утратил почти все те достоинства, которые он получил при Александре II, стеснены были права присяжных заседателей; в число их стали входить большею частью только зажиточные люди; судьи, следователи, прокуроры потеряли всякую тень независимости; гласность стеснена была до крайности: председатели судов и министр юстиции получили право закрывать двери заседаний суда, то-есть удалять публику и не оглашать в печати того, что на суде происходит.

В министерстве народного просвещения полицейские порядки стали господствовать во всех учебных заведениях—высших, средних и низших. В 1884 году был издан новый университетский устав, по которому ректоры, деканы и профессора уже не могли выбираться профессорскими советами и назначались министром, как все чиновники. В гимназии и реальные училища старались не допускать детей крестьян и мещан, вообще городской и деревенской бедноты: считали, что образование вредно и опасно для народа. Народные школы находились под полицейским надзором инспекторов и директоров. Обер-прокурор синода Победоносцев старался распространить вместо школ министерства народного просвещения и земских церковно-приходские школы, подчиненные синоду и не дававшие даже того скудного образования, какое давала школа земская: здесь едва учили читать и писать, а главное внимание обращали на религию, внушали повиновение властям и преданность царскому самодержавию.

Так правительство Александра III держало весь народ как бы в тисках, под постоянной опекой.

Но жизнь нельзя было остановить, тем более повернуть вспять. Некоторая часть дворянства умела и сумела приспособиться к новым условиям хозяйства, стала хотя отчасти превращаться в сельскохозяйственную и промышленную буржуазию. Но многие дворяне не в состоянии были достигнуть этого: привыкши жить при крепостном праве почти без работы, на даровых хлебах, они обленились; в то же время старая барская

склонность к роскоши и непомерным тратам разоряли их. И потому множество дворян разорилось и земли свои распродадо купцам и крестьянам. И когда правительство, видя, что уменьшается дворянское землевладение, учредило Государственный Дворянский земельный банк для поддержания ссудами из казны дворян-землевладельцев, то это не помогло: дворяне только получали из казны лишние деньги, затем скоро их проживали, и земли их опять уходили из их рук.

Основа, на которой покоилось самодержавие, — класс дворян-землевладельцев, — постепенно слабела и исчезала. Надо было поискать еще и другой опоры, более прочной.

Эта опора отчасти уже создавалась жизнью; мы уже говорили, что реформы Александра II, как ни были они нерешительны, как много старины ни сохраняли, все-таки превращали Россию отчасти в страну капиталистическую, буржуазную. Вскоре после Крымской войны и особенно в семидесятых годах, во вторую половину царствования Александра II, начались в России усиленные постройки железных дорог, а железные дороги, создавая скорый и дешевый провоз товаров, усилили рост фабричной и заводской промышленности. При Александре III постройка железных дорог и развитие фабрик и заводов продолжались, причем министры финансов—сначала Вышнеградский, потом Витте—содействовали этому тем, что обложили иностранные фабричные и заводские изделия высокими пошлинами, так что они вздорожали, и русские товары уже могли соперничать (конкурировать) с ними и продаваться с большой выгодой для русских фабрикантов и заводчиков. Но развитие фабричной промышленности увеличивало число рабочих и вместе организовало рабочий класс и положило начало сознанию им своих интересов; рабочие сознавали свою товарищескую связь, общность своих интересов на фабриках и заводах. Они почувствовали свое угнетенное положение и стали волноваться, устраивать забастовки.

Таким образом развитие капитализма и фабричной промышленности увеличили значение двух классов общества, прежде немногочисленных и слабых, — класса капиталистов и класса рабочих. Капиталисты, встречая поддержку и покровительство от правительства и царского самодержавия, сами являлись пока опорой этому самодержавию, заменяли в этом отношении разорившуюся часть дворянства, которая, правда, тоже цеплялась за самодержавие, но уже не столько могла его поддерживать, сколько сама нуждалась в подачках с его стороны, из казенных средств, собиравшихся главным образом с того же народа, с трудящихся масс. Рабочие еще не сознавали вполне ясно и отчетливо противоречие своих интересов самодержавию, но, притесняемые, угнетаемые, эксплуатируемые капиталистами, уже начинали волноваться. В лице рабочего класса подготавливался самый опасный и сильный враг самодержавия.

III.

Революционное движение при Александре III.

Стеснения, внесенные в земское самоуправление Александром III, возбудили недовольство многих земцев. Они составили при Александре III Земский союз, и один русский эмигрант профессор Драгоманов стал издавать за-границей журнал в защиту конституции. Но это земское движение не было сильным и не представляло опасности для правительства.

Значительнее было студенческое движение при Александре III. Студенчество было недовольно университетским уставом 1884 года тем более, что, хотя и прежний устав не разрешал студенческих организаций, но землячества и общества взаимопомощи раньше все же на деле терпелись, а теперь всякое самое мирное студенческое общество строго преследовалось. Особен-

но усилились преследования студентов после того, как несколько студентов Петербургского университета оказались замешанными в неудавшееся покушение на жизнь Александра III. Тогда студенты начали устраивать беспорядки. Но в сущности все время царствования Александра III студенческие беспорядки не имели политического характера, то-есть не были направлены против самодержавия и существующего устройства государства,—они касались только одного устройства университетов: студенты большею частью требовали восстановления университетского устава 1863 года.

Только небольшая часть студенчества и интеллигенции не оставляли революционных мечтаний. Когда правительством уничтожено было общество Народной Воли, казалось, что революционное дело погибло: неудачей кончилось и хождение в народ землевольцев, и покушения народовольцев. Крестьянство не поддержало их. Все оставалось по-старому. Самодержавие сохранилось и даже как будто укрепилось.

Тяжелые уроки жизни воспринимались революционерами-эмигрантами, покинувшими родину вследствие преследований со стороны царского правительства. В Швейцарии, в Женеве в 1883 году образовался революционный кружок под названием союз „Освобождение Труда“. В нем участвовали Плеханов, Аксельрод, Дейч и Вера Засулич. Они иначе, не по-народнически, стали смотреть на цели и средства русской революции.

Они убедились, что крестьяне—не социалисты, что цели крестьян—получение земли, приобретение ее, а это не имеет ничего общего с социализмом. Наблюдение над жизнью Западной Европы и изучение сочинений Маркса и Энгельса убедили Плеханова и его друзей, что действительными социалистами, по самому своему положению в обществе, по своим хозяйственным интересам, являются рабочие. Крестьянин может разбогатеть, стать зажиточным, даже превратиться в торговца, купца или крупного землевладельца. Но рабочему почти нет

на это надежды. Он может действительно улучшить свое положение, только завоевав социализм, превратив все общество в братский союз трудящихся. Сделать это рабочий класс может, только завоевав власть. А завоевать власть он может только после того, как будет утверждена политическая свобода, демократическое правление, республика, то-есть когда уничтожено будет самодержавие. Итак, рабочий класс в собственных своих интересах является передовым борцом против самодержавия. Надо, следовательно, развивать сознание и организации рабочего класса в России.

Таков был новый в России путь революции и революционной работы, который был указан союзом „Освобождение Труда“ во главе с Плехановым. Плеханов и его друзья и были первыми русскими социал-демократами.

Социал-демократические неlegalные, запрещенные брошюры и книжки Плеханова стали распространяться тайно в России при Александре III. Среди студентов, интеллигенции и рабочих появились социал-демократы. Они составляли кружки и, по книгам Плеханова, Маркса, Энгельса и других, учились социал-демократической политике. Так при Александре III началась кружковая социал-демократическая пропаганда. Она захватила небольшое еще количество нарсду — может быть, всего несколько сот или тысяч человек, — но то была основа очень важного движения в будущем.

Таким образом революционное движение при Александре III как будто стихло. Во всяком случае оно редко проявлялось в таких бурных формах, как при Александре II. Но это было затишье перед бурей. Это было только внешнее спокойствие. Движение ушло вглубь и там, незаметно для многих, началась важная, серьезная работа. В то же время и жизнь, как мы видели, подготавливала рабочий класс к тому, чтобы воспользоваться плодами этой работы.

IV.

Внешняя политика Александра III.

Непродолжительное царствование Александра III прошло почти без войн. Только движение русских в средней Азии продолжалось: Скобелев завоевал Мерв. Произошло также столкновение с Афганистаном, но оно скоро было улажено и не перешло в войну. Однако продвижение русских в средней Азии причиняло значительные беспокойства Англии, которая опасалась за свои владения в Индии. Отношения между Россией и Англией ухудшились, впрочем, еще ранее при Александре II, после русско-турецкой войны. Англия тогда помешала России хотя бы на время занять Константинополь, а после Сан-Стефанского мира был создан в Берлине, по предложению английского министра лорда Биконсфильда, конгресс или съезд представителей европейских держав в Берлине, причем Берлинский конгресс сильно уменьшил потери Турции после войны.

Уже на этом конгрессе германский канцлер князь Бисмарк вел себя не всегда вполне дружественно по отношению к России. Но все-таки Александр II до самой своей смерти придерживался старого тройственного союза России, Германии и Австрии: это были три главных охранителя старых порядков в Европе. Так продолжалось некоторое время и при Александре III.

Но русское правительство считало себя покровителем освобожденного Болгарского княжества, и русский посланник в Болгарии, по указаниям Александра III, распоряжался там почти как самодержец: славянофильские стремления найти опору для русского самодержавия в балканских славянах были свойственны Александру III. Это раздражало болгар, среди которых усиливалась поэтому партия болгарской буржуазии, желавшая полной независимости Болгарии и стремив-

шаяся соединить с Болгарским княжеством забалканскую Болгарию, оторванную от него Берлинским конгрессом. Князь болгарский Александр сначала во всем слушался России, но, видя, что это вызывает недовольство в Болгарии, занял силой забалканскую ее часть. Тогда Александр III потребовал, чтобы он отрекся от престола. Но болгары не приняли кандидатов в князья, выставлявшихся Россией, а выбрали на престол Болгарии немецкого принца Фердинанда Кобургского, поддерживаемого Австрией. Тогда Александр III отозвал своего посланника из Болгарии и прервал с нею всякие сношения. Это повело к тому, что Россия потеряла всякое влияние в Болгарии, и наоборот влияние там Австрии усилилось. Австрия приобрела также большое влияние и в Сербии.

При таких условиях уже не могло быть прежнего союза с Австрией, а следовательно, и с Германией, которая ее поддерживала. И Александр III не возобновил этого союза, против которого был, впрочем, также и германский император Вильгельм II.

Так Россия оказалась без союзников и в дурных отношениях и со своими ближайшими соседями и с Англией. Между тем она нуждалась в деньгах для постройки железных дорог, развития промышленности и на расходы военные—на содержание армии и флота. Прежде русскому правительству давали деньги в долг главным образом немецкие капиталисты и банкиры. Теперь это стало невозможно тем более, что в Германии быстро пошло вперед развитие фабричной промышленности, и все капиталы оказались нужны для самих немцев.

Деньги для необходимых займов оказалось возможным найти во Франции. Французские капиталисты и банкиры были богаты свободными капиталами и искали их выгодного помещения. Этот кредит, оказанный России французами, был первой связью между Россией и Францией.

Французское правительство хотело укрепить эту связь и превратить в союз: могущество Германии, победившей Францию в войне 1870—1871 годов и отнявшей у нее две провинции Эльзас и Лотарингию, было очень опасно для Франции, и она искала союзников. Вступить в союз с Англией Франция не могла, потому что Англия не хотела связывать себя никакими обязательствами, да и между Англией и Францией было соперничество из-за колоний в Африке. Италия вступила в союз с Германией и Австрией. Таким образом из великих держав Франции можно было вступить в союз только с Россией, которая к тому же как раз разошлась с Австрией и Германией. Наконец, будучи в союзе с Россией, Франции легче можно было наблюдать, чтобы даваемые ее капиталистами деньги употреблялись на цели, полезные для Франции, для ее буржуазии.

Хотя Франция и была республикой, но то была республика буржуазная, соблюдавшая главным образом интересы буржуазии, богатых классов общества. Поэтому французское республиканское правительство не стеснялось помогать русской тайной полиции наблюдать за русскими политическими эмигрантами-революционерами, жившими во Франции.

Под влиянием всех этих обстоятельств у Александра III и окружающих его рассеялись предубеждения против французского республиканского правительства. Президент французской республики Карно и французские министры усиленно старались сблизить Россию с Францией, и, наконец, заключен был союз, по которому Россия и Франция обязались помогать друг другу в том случае, если одна из них подвергнется нападению более, чем одной державы. Так вся Европа разделилась на две части, на два лагеря, враждебно настроенных один по отношению к другому: на тройственный союз Германии, Австрии и Италии и на двойственный союз России и Франции. Оба союза вооружились, как только могли, из опасения нападения со стороны противников.

Наступили тяжелые времена вооруженного мира, милитаризма, военщины, когда огромные массы народа муштровались для военной службы и будущей войны и на содержание армий и флотов тратились огромные деньги, тогда как на улучшение материального благосостояния народа и на его просвещение денег оставалось немного. Это объяснялось именно господством и развитием капитализма в Европе: капитализм нуждается в рынках и колониях, в выгодном помещении капиталов, и капиталисты разных стран готовы вступить в прямое столкновение, в войну со своими конкурентами.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Царствование Николая II (1894—1917 г.г.).

I.

Развитие фабрично-заводской промышленности.

В конце царствования Александра III—в 1891 и 1892 годах—Россию постиг огромный неурожай, и в деревне начался настоящий голод. Понадобилась немедленная большая помощь и от правительства и от общества. Вместе с тем обнаружилась крайняя бедность и большая темнота крестьянства. Неурожаи бывают везде, но только в крайне бедной и совершенно невежественной, некультурной стране превращаются в голод, потому что в бедной и некультурной стране у населения нет запасов, нет заработков и нет и не может быть предусмотрительности.

Урок этого голода показал лучше всего, что Россия не может существовать в условиях крепостнического хозяйства. Но отказаться от такого хозяйства значило произвести аграрную реформу, уничтожить малоземелье, чересполосицу и выкупные платежи, то-есть перестроить с самых основ сельское хозяйство, сделать его из помещичье-дворянского предпринимательским, капиталистическим, буржуазным. Самодержавие не могло сделать этого да и не хотело: это значило бы ведь уничтожить собственную опору. И оно, как мы видели, еще при Александре III, оставив в неприкосновенности старое крепостническое хозяйство и подерживая прежнюю свою опору—помещиков-дворян,—стало укреплять новую опору—фабрикантов и заводчиков и с этою целью содействовать развитию фабричной промышленности, которое в России уже давно началось и особенно усилилось после отмены крепост-

ного права. Это покровительство фабрично-заводской промышленности в особенности проводил министр финансов Витте, деятельность которого началась еще при Александре III, но большая часть ее относится уже к царствованию Николая II.

Витте еще более прежнего повысил таможенные пошлины на иностранные фабричные изделия, выдавал фабрикантам ссуды и пособия, делал большие и выгодные для них казенные заказы. Вследствие всех этих мер количество и производительность фабрик и заводов в России сильно увеличились, а число фабричных рабочих почти удвоилось. Россия стала превращаться из земледельческой страны в промышленно-земледельческую. Особенно сильное оживление и большой подъем промышленности совершались в 90-х годах XIX века. И здесь влияли еще другие меры, проведенные Витте, именно: железнодорожное строительство, введение свободного размена бумажных денег на золото и распространение промышленного, технического и коммерческого образования. Железные дороги, которых при Витте было построено в России более 20-ти тысяч верст, облегчали подвоз материалов и сбыт товаров. Размен бумажных денег на золото укреплял и делал постоянной цену рубля и тем облегчал все денежные расчеты и кредит. Развитие промышленного, технического и коммерческого образования создало хороших, сведущих служащих в разных промышленных и торговых предприятиях.

II.

Рабочий вопрос и рабочее движение.

Рост фабричной промышленности не только увеличивал число рабочих, но и организовал их, будил их классовое сознание. Рабочие начинали понимать тяжесть своего положения, общность, единство своих интересов. И в 90-х годах начались массовые рабочие стачки в разных частях России, особенно в Петербурге, Москве,

Иваново-Вознесенске, Шуе, на донецких угольных копях, на бакинских нефтяных промыслах. Стачки эти в то время носили чисто-экономический характер, направлены были только на улучшение экономического положения рабочих, то-есть имели целью уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы и изменение других условий труда.

Рабочее движение вызвало необходимость фабричного законодательства: Витте понимал, что надо сделать хоть какие-либо уступки рабочим, чтобы не доводить их до крайнего раздражения и не пробуждать в них сознания необходимости не только экономической, но и политической борьбы, борьбы уже не с фабрикантами, а с правительством. Но, конечно, фабричное законодательство Витте было направлено не в защиту интересов рабочих, а в целях сохранения порядка и спокойствия, охраны самодержавия, причем интересы фабрикантов и заводчиков всегда принимались также в расчет и всячески ограждались. Так в 1897 году был издан закон о продолжительности и распределении рабочего времени на фабриках и заводах. Рабочие, конечно, горячо отстаивали свое право на воскресный и праздничный отдых. Закон 1897 года признавал это право, но в интересах фабрикантов в закон была внесена статья, разрешавшая работу в воскресный день вместо будничного по соглашению заведывающих фабриками с рабочими. Этот же закон установил, что работа на фабриках и заводах не должна продолжаться более 11¹/₂ часов в сутки, но это было нарушено прямым разрешением сверхурочных работ. В 1902 году был издан закон о вознаграждении рабочих фабрикантами за несчастные случаи на фабриках, но фабриканты, участвовавшие в выработке этого закона, провели уменьшение прав увечных на вознаграждение и настояли на увеличении числа случаев безответственности фабрикантов за увечья, причиненные рабочим. Для наблюдения за исполнением фабричных законов введена была фабричная инспекция. Но на деле она плохо

следила за нарушениями законов со стороны фабрикантов и превратилась в фабричную полицию, направленную против рабочих, ведущую борьбу с рабочими волнениями и стачками. Понятно, что фабричное законодательство Витте не в силах было не только прекратить, но и ослабить стачечное движение рабочих.

III.

Революционное движение до 1905 года.

Старая опора самодержавия—землевладельческое дворянство, особенно его разорившаяся часть—была весьма недовольна покровительством, какое оказывалось правительством фабрикантам и заводчикам. Поэтому дворянство было против политики Витте, и выразитель дворянских интересов министр внутренних дел Горемыкин, желая укрепить дворянство, ставшее господствовать в земстве после закона 1890 года, представил проект распространения дворянского земства на всю Россию. Тогда Витте подал Николаю II особую „Записку“, в которой указывал, что земское самоуправление несовместимо с самодержавием и опасно для самодержавной власти. Отмечалось здесь также и стремление либеральных земцев к конституции.

Это стремление действительно проявлялось все сильнее и сильнее. Либеральные земцы собирались на тайные съезды и совещания и, наконец, в 1904 году составили особое тайное общество „Союз Освобождения“, издававший в Германии журнал „Освобождение“, который распространялся в России и проводил мысль о необходимости уничтожения самодержавия и введения в России конституции. В „Союз Освобождения“ вступили многие из интеллигенции.

Но главная опасность грозила не отсюда, а со стороны рабочих и крестьянских масс и не либеральной, а революционной интеллигенции, примкнувшей к движению рабочих и крестьян.

Когда в 90-х годах началось стачечное движение рабочих, рабочие стали искать для организации этого движения помощи более сознательных своих товарищей и революционной интеллигенции, — социал-демократов, воспитанных кружковой пропагандой. Этот призыв не остался без ответа. Более того: многие социал-демократы из рабочих и интеллигенции так увлеклись организацией стачек, что пришли к убеждению в необходимости вести в России только чисто экономическую борьбу без всяких политических задач. Сторонники этого направления получили название „экономистов“.

Против них вели борьбу те социал-демократы, которые были убеждены, что даже прочные экономические приобретения невозможны для рабочего класса без завоевания политической свободы; и потому они отстаивали ведение политической борьбы в связи с борьбой экономической. Социал-демократы этого направления устраивали „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса“, а в 1898 году ими была на съезде в Минске основана Российская Социал-демократическая рабочая партия.

Партия, правда, единства и цельности не сохранила, но на борьбу с „экономистами“ направила свои силы заграничная группа социал-демократов эмигрантов, издававшая газету „Искра“. Во главе этой группы стояли Плеханов, Аксельрод, Ленин, Мартов. В России эту же борьбу вели „Союзы борьбы за освобождение рабочего класса“.

Обстоятельства с 1899 года сильно изменились сравнительно с предшествующим временем: промышленный расцвет, подъем сменился, как всегда бывает при капиталистическом хозяйстве, упадком, кризисом. Товары пошли в продаже туго, богатые приобрели их в достаточном количестве, а беднякам не на что было их купить. Фабриканты стали сокращать производство, даже закрывать фабрики, рассчитывать рабочих. Появилась масса безработных, и вести стачечную борьбу

за улучшение экономических условий труда стало невозможно: фабриканты рассчитывали стачечников и нанимали новых рабочих из числа голодных безработных. Правительство преследовало стачки силою полиции и войска. Теперь рабочие поняли, что без политической борьбы не может быть прочных и верных экономических завоеваний, и начались политические стачки, которым всеми силами содействовали группа „Искры“ и „Союзы борьбы за освобождения рабочего класса“, вообще тайные организации социал-демократов. Политические стачки и демонстрации рабочих стали весьма частыми и охватывали огромные пространства. Особенно велики были забастовки 1903 года, захватившие весь юг России. Рабочее движение приняло грозный характер для самодержавия.

В то же время политическую окраску приобрело и студенческое движение: и студенты поняли, что свободные условия университетской жизни возможны только при торжестве политической свободы в России, и студенческие забастовки приняли характер борьбы с самодержавием.

Наконец, заволновались и крестьяне. Особенно сильны были крестьянские волнения в Воронежской, Харьковской и Курской губерниях в 1904 году. Среди крестьян, отчасти и среди рабочих, вела революционную работу основанная в 1901 г. партия социалистов-революционеров.

Правительство было встревожено ростом революционного движения. Витте, который в это время уже не был министром финансов, предложил в 1902 году учредить особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и местные комитеты об этих нуждах из общественных, главным образом земских, деятелей. Но это не привело ни к каким реформам и не утишило крестьянских волнений. Правительство испугалось требований конституции и других серьезных реформ, которые были высказаны некоторыми местными комитетами, и, по предложению министра вну-

тренних дел Плеве, особое совещание и его местные комитеты были закрыты. Витте потерял на время всякое влияние.

Для того, чтобы как-нибудь ослабить рабочее движение, попробовали привести в исполнение план жандармского полковника Зубатова. По этому плану сам Зубатов в Москве, священник Гапон в Петербурге и Шаевич в Одессе основали общества взаимопомощи рабочих. В этих обществах устраивались лекции для рабочих, где доказывалось, что самодержавие—лучшее средство защиты интересов рабочего класса, что вся надежда на царя, истинного друга рабочих, что революционеры—враги их. Зубатов в Москве поддерживал и даже сам устроил экономическую стачку рабочих. Но эти действия жандармской полиции только восстановили против правительства фабрикантов и заводчиков, а в рабочей среде они дали неожиданные результаты: рабочие, обсуждая все наболевшие свои нужды в обществах взаимопомощи, невольно приходили в конце концов к убеждению в необходимости политической свободы; сознание их прояснялось; получилась в этих обществах и массовая организация рабочих. Волнения их приобретали все более напряженный характер.

Против студентов пытались действовать ссылками и отдачей студентов за беспорядки в солдаты. Но и это не помогало, а возбуждало только крайнее недовольство в обществе.

Наконец, социалисты-революционеры, по примеру прежних народовольцев, стали устраивать покушения. Убиты были некоторые губернаторы, усмирявшие рабочие стачки и крестьянские волнения. Убиты были министры внутренних дел Сипягин и народного просвещения Боголепов.

При таких обстоятельствах Плеве, ставший тогда самым влиятельным человеком при Николае II, решил, что России необходима война, чтобы отвлечь общее внимание от внутренних дел, и тем удержать развитие

революции и укрепить самодержавие военными победами. Такой войной и была война с Японией, над которой надеялись одержать легкую победу.

Русский капитализм развивался слабо: для сбыта фабричных изделий необходимо, чтобы у населения было достаточно средств для их покупки. Но крестьяне были разорены огромными налогами, падавшими главной своей тяжестью на них, а также крестьяне были измучены отработками и испольщиной вследствие мало-земелья и чересполосицы, а рабочие—низкой заработной платой и непосильным трудом. Поэтому масса крестьянского и рабочего населения не могла покупать много товаров. Это было одной из причин стремления русского самодержавного правительства к завоеваниям на Дальнем Востоке, к захвату в Китае Порт-Артура и постройке там города Дальнего и железной дороги, соединяющей их с Россией: царское самодержавие хотело по-прежнему служить интересам фабрикантов и заводчиков, новой своей опоры, и намеревалось открыть им возможность сбывать на Дальнем Востоке и в Китае русские фабрично-заводские изделия.

Была и другая причина, побуждавшая царское самодержавие стремиться к захвату Маньчжурии и Кореи: многие дворяне и великие князья, члены царской фамилии, в том числе и Мария Федоровна, вдова Александра III, вложили большие деньги в лесное дело на границе Кореи и хотели на этом деле получить большие барыши. По имени хозяевами этого дела считались дворяне из придворного круга Безобразов и Абаза.

Но, захватывая Маньчжурию и Корею, пришлось столкнуться с Японией, вести с нею войну. Плеве эта война казалась легкой, маленькой. Но он ошибся. Японские армия и флот одержали над русскими ряд побед и взяли Порт-Артур. Русский флот был истреблен около острова Цусимы. Война дала самодержавию не победу, а поражение. Еще раньше Плеве был убит социалистами-революционерами. После этого состоялся земский съезд, который признал необходимым участие

в законодательстве выборных от народа. Во всей России начались „банкеты“ — собрания, где обсуждались политические вопросы и выносились резолюции о необходимости конституции. Демонстрации рабочих и студентов делались все чаще. Близилась неизбежная революция: против самодержавия поднялись все классы общества — и сколько-нибудь живая часть дворянства, и буржуазия, и, в особенности, рабочие и крестьяне.

IV.

Революция 1905—1907 годов.

Петербургские рабочие, измученные безработицей и нуждой и организованные в общество взаимопомощи, основанное по плану Зубатова Гапоном, не утратили еще надежды на помощь со стороны царя и потребовали, чтобы Гапон вел их к Зимнему дворцу. 9 января 1905 года огромные массы рабочих потянулись к дворцу. Но самодержавие встретило их выстрелами.

Рабочие были расстреляны и рассеяны. Но вместе с ними самодержавие расстреляло и себя: рабочий класс в главной своей массе прозрел, отшатнулся от него навсегда и стал заклятым, непримиримым врагом его.

Этим не ограничилось однако значение события 9 января. Весть о нем всколыхнула всю Россию: всюду начались рабочие и студенческие забастовки и сборы в пользу семей убитых 9 января. В начале февраля убит был социалистами-революционерами в Москве великий князь Сергей Александрович. Попытки устроить хотя бы по внешности примирение с рабочими не удалось, и Николай II в особом рескрипте на имя министра внутренних дел Булыгина повелел ему образовать особую комиссию для установления выборной от народа Государственной Думы, которая должна была участвовать в законодательстве. К августу эта комиссия выработала проект закона, по которому Государственная Дума должна была состоять из выборных главным

образом от дворянства и буржуазии, отчасти от крестьян, но не от рабочих. Напрасно Витте, заключивший в это время мир с Японией, причем Россия уступила Японии Порт-Артур, Дальний и половину острова Сахалина, указывал, что не дать рабочим избирательного права нельзя, — его не послушали. Кроме того Булыгинская Дума не должна была иметь законодательной власти: она была, как и старый Государственный Совет, только совещательным учреждением, давала царю советы в деле издания новых законов, причем от царской власти зависело исполнять или не исполнять эти советы. Другими словами, самодержавие оставалось в сущности в полной силе.

Чтобы разрознить, разделить силы революции, самодержавие сделало большую уступку студенчеству: ему было разрешено во всех высших учебных заведениях свободно собираться и обсуждать свои нужды. Тогда, по настоянию представителей революционных партий, указывавших, что булыгинская Дума ничего не дает народу, студенты открыли двери учебных заведений для свободных собраний всего народа. Начались массовые собрания, митинги, и все это завершилось в октябре огромной всеобщей забастовкой, охватившей всю Россию, прекратившей всю торговлю, промышленность, остановившей железные дороги, почту, телеграф, телефон.

Тогда председателем совета министров был назначен Витте, и по его предложению издан был манифест 17 октября 1905 года, установивший в России не совещательную Думу, а Думу, участвующую в законодательной власти так, чтобы с этих пор ни один закон не получал силы без одобрения Государственной Государственного Совета. В эту Думу выборные от крестьян допущены были по-прежнему, как и в булыгинскую Думу, в меньшинстве; допущены были в незначительном числе и выборные от рабочих. Государственный Совет наполовину остался состоящим из лиц, назначенных императором, наполовину сделался вы-

борным—от дворянства, духовенства, купечества, земств, городов и университетов.

Ко времени издания манифеста 17 октября образовались две политические организации, стремившиеся к возврату назад,—к полному самодержавию: то были союз объединенного дворянства и союз русского народа. Главными деятелями союза русского народа сделались Дубровин и Пуришкевич.

Это были враги того порядка, который установлен был манифестом 17 октября. Но были и такие части общества, которые были вполне довольны этим порядком. Такова была крупная буржуазия и крупные землевладельцы, переходившие уже к капиталистическому хозяйству. Их вождями были Гучков и Родзянко. Они стали врагами революции и образовали партию октябристов.

Из Союза Освобождения образовалась партия народной свободы (конституционно-демократическая, ка-деты). В нее вошли либеральные земцы, в большинстве своем средние землевладельцы, желавшие еще новых реформ и после 17 октября, но уже боявшиеся революции в ее бурных формах.

Таким образом революционные партии—социал-демократы и социалисты-революционеры—и широкие массы рабочих и крестьян остались одни борцами за революцию,—буржуазия же от нее отошла. Притом же рабочие не все были одинаково сознательны и организованы и начали борьбу в разное время: одни уже устали, а другие только что развернули свои силы. Крестьяне получили облегчение в арендной плате, увеличение заработной платы в помещичьих имениях, освобождение от выкупных платежей, возможность покупки земли и потому стали успокаиваться.

Поэтому начавшееся в декабре 1905 года восстание в Москве, прибалтийских губерниях, на Кавказе и в Сибири было подавлено.

В апреле 1906 года была созвана первая Государственная Дума. Большинство в ней принадлежало к ка-детской партии, так как социал-демократы и социа-

листы - революционеры не приняли почти целиком участия в выборах, надеясь, что поднимется новое восстание. Перед созывом Думы правительство заключило большой заем во Франции, и это укрепило его положение. Поэтому оно не считалось с Думой и в июле ее распустило. Большая часть членов первой Думы уехала в Выборг и составила там воззвание к народу с призывом не платить податей и не идти в военную службу. Но воззвание успеха не имело.

В 1907 году была созвана вторая Дума. В ней кадеты не получили большинства, так как революционные партии участвовали в выборах и получили в Думе до 200 мест. В ней кадеты безуспешно пытались войти в соглашение с председателем совета министров Столыпиным, а революционеры, особенно социал-демократы во главе с Церетели, вели с ним упорную борьбу. Вторая Дума была распущена 3 июня 1907 года, члены ее социал-демократы были арестованы и осуждены на каторгу и в ссылку, и вместе с тем был изменен простым указом царя, без участия Думы и Совета, то-есть в нарушение закона, закон о выборах: дворяне и крупные землевладельцы и капиталисты получили перевес в Думе, избирательные права средних землевладельцев, крестьян и рабочих были сильно сокращены.

Поэтому в третьей и четвертой Государственных Думах значительны, довольно сильны и многочисленны были правые, сторонники самодержавия, главной партией были октябристы, всецело поддерживавшие правительство; кадеты были в меньшинстве и старались конституционно критиковать правительство, стремясь к соглашению с октябристами, а через них и с властью; в очень небольшом количестве были в этих Думах народники-трудовики и социал-демократы.

С роспуском второй Думы и изменением избирательного закона 3 июня 1907 года кончилась революция 1905—1907 годов. Началась реакция, которая, как и всегда, не была простым возвратом назад, к прошлому: в это время правительство пыталось про-

вести такие законы, которые помогли бы господствующим классам общества—помещикам и капиталистам—приспособиться к тем новым условиям, которые все-таки создались под влиянием революции.

V.

Реакция 1907—1914 годов.

Несомненно, очень важное, первостепенное значение имел во время революции аграрный вопрос. Сюда и направлены были главные усилия реакции.

Еще Витте понимал, что прошло время крепостного хозяйства, и что, если есть еще возможность сохранить крупное и вообще предпринимательское хозяйство, то лишь путем перехода к культурному, усовершенствованному, капиталистическому сельскому хозяйству. С этой необходимостью перехода к сельскохозяйственному капитализму пришлось считаться и руководителям новой аграрной политики Столыпину и Кривошеину. Но они именно только вынуждены были с этим считаться. Основная же их цель заключалась вовсе не в этом, а в том, чтобы разрушить крестьянскую земельную общину, которой они ошибочно приписывали главную роль в аграрных волнениях 1905 года.

С этой целью в 1906 г. (9 ноября) был издан особый указ, превратившийся в 1910 г. после принятия его Государственной Думой и Государственным Советом в закон, по которому сильно облегчен был выдел из общины отдельных домохозяев и даже полный раздел общинных земель в личное владение. Правительство хотело создать „крепкое“ крестьянство по образцу прусского, которое проникнуто было бы привязанностью к собственности и порядку и послужило бы прочной опорой существующему порядку и верным союзником крупных землевладельцев. Борьба с революцией и социализмом— вот цель политики Столыпина и Кривошеина.

Поскольку эта политика подходила к условиям вре-

мени,—она была успешна. Русский сельскохозяйственный капитализм развивался: община осталась не многим более, чем в трети крестьянских хозяйств, крестьяне улучшили приемы земледелия, заводя травосеяние и многополье, уменьшилась чересполосица, расло потребление сельскохозяйственных машин, путем переселения в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию и путем покупки земли в Европейской России крестьяне к 1914 г. приобрели до 45 миллионов десятин земли, развились образцовые крупные капиталистические хозяйства. Все это сильно уменьшило крепостническую аренду.

Расла и шла вперед и обрабатывающая фабрично-заводская промышленность. Но замечательно, что рост этот был значительно медленнее, чем то, что наблюдалось в 90-х годах XIX века. Вообще в развитии русского капитализма—сельскохозяйственного и промышленного—во время реакции 1905—1914 годов заметны крайняя вялость и медленность.

Причины этого заключались в том, что правительство не могло и не хотело отказаться от служения интересам одного только дворянского, падающего землевладения. Оно поддерживало по-прежнему почти исключительно разорившихся или разорявшихся помещиков и потому не проводило ни одной сколько-нибудь существенной реформы. Страна нуждалась в постройке железных дорог, необходимых для развития капитализма. Но для этого нужны были деньги, а добыть их можно было лишь серьезными финансовыми реформами, которых правительство не хотело. Страна нуждалась в самоуправлении, в гражданской и политической свободе, и правительство создавало в губерниях, не имевших земства, ухудшенные даже сравнительно с положением 1890 года земские учреждения. Народ не мог обходиться без образования, а дело всеобщего обучения двигалось вперед черепашьим шагом. Необходимо было перестроить все управление на началах законности, а совершались на каждом шагу

хищения и беззакония, и Государственная Дума занималась мелочными вопросами, пустяками, „вермишелью“.

Вся энергия, все силы правительства были направлены на уничтожение общины, да на всякие притеснения и на политический сыск. Организована была для борьбы с рабочим, крестьянским, революционным движением огромная провокация, неслыханное шпионство.

Эта политика шага на месте и яростных притеснений и преследований всего живого в стране повела к тому, что Россия оказалась далеко отставшей от своих соседей во всех отношениях — и бедной, и неорганизованной общественно, и некультурной. Естественно, что все живое в обществе и народе — даже те слои, которые после 17 октября 1905 г. боролись с революцией, — стало переходить в оппозицию правительству.

Этому содействовало еще безумное поведение императорского двора. Николай II был слабый, бесхарактерный, недалекий, распушенный, жестокий и любящий самовластие человек. Он окружил себя людьми, которые способны были только на кутежи и хищничество. Императрица Александра Федоровна, несомненно, была нервно-больной женщиной. Она, особенно после революции, предалась религиозности и мистицизму. Когда какой-нибудь класс общества и руководимый им государственный порядок погибает, это всегда отражается на душевном состоянии людей, принадлежащих к этому классу: они умственно и нравственно вырождаются, падают. Так и случилось с царствующей фамилией и двором. Аристократия, придворные все впали в мистицизм и, смутно чувствуя приближение неизбежной гибели, стали ждать спасения только свыше, от чуда и верить во всякого рода пророков, юродивых и святых старцев. Самым знаменитым из них был крестьянин Тобольской губернии Григорий Распутин, пьяница и развратник, увлекавший и развращавший аристократических дам. Его поведение при дворе было настолько скандально, что он был убит аристократической молодежью.

VI.

Война 1914—1917 годов и революция 1917 года.

Гнет полицейского произвола, жандармской провокации и шпионства, военщины был настолько силен, что старая государственная машина, расшатанная и неспособная уже удовлетворять требованиям жизни, скрипела, но все еще кое-как держалась. Помогала здесь и неорганизованность, распыленность масс, их непривычка к общественной работе, слабая сознательность, темнота, некультурность. И, может быть, долго бы еще продержались старые отжившие порядки, если бы не вспыхнула небывалая война.

Германский капитализм быстро стал развиваться после победы над Францией в 1870—1871 годах. Немецкие фабричные изделия стали конкурировать часто успешно с английскими и даже ввозились в Англию. Особенно немецкие металлические изделия одерживали победы над английскими. Англия лишилась прежнего торгово-промышленного господства, которое раньше оспаривал у нее Наполеон I.

Английская буржуазия и английское правительство, защищающее ее интересы, приняли все меры к тому, чтобы поднять свою промышленность и ослабить немецкую конкуренцию. И в последние десятилетия ввоз немецких фабричных изделий в Англию перестал занимать прежнее место в торговле Германии. Так в 1900 году ввоз этот составлял почти одну пятую германского вывоза, а в 1910 году уже менее одной восьмой. Германия вообще в более культурных, капиталистических странах встретила с конкуренцией их промышленности и почувствовала необходимость развивать вывоз своих товаров в колонии, которых у нее было мало, потому что лучшие колонии были ранее захвачены Англией и Францией. И в Турции, на которую особенно направлены были усилия германского капитализма, он встречал конкуренцию английского и французского капитала.

Перед Германией стояло два пути на выбор для развития своей промышленности: или начать внутренние реформы, означавшие уже предвестие будущего социализма, как начала их Англия, которая ввела наименьшую заработную плату, ниже которой никто не мог платить, и государственное страхование от безработицы, или попытаться захватить силой новые земли для капиталистической эксплуатации. Но Англия могла производить эти реформы, потому что у нее было много богатых колоний и между ними особенно Индия, а немецкие колонии были бедны и невелики: некуда было поэтому направить немецких капиталистов для быстрой наживы, а реформы в Германии лишили бы их возможности хищничать дома. Поэтому война была необходима для немецких капиталистов.

К тому же кончился срок выгодного для Германии торгового договора с Россией, заключенного в трудных для России обстоятельствах, во время японской войны. По этому договору русский хлеб, ввозимый в Германию, был обложен высокой пошлиной, что повысило цены на хлеб в Германии и было выгодно для немецких землевладельцев, а русские пошлины на немецкие фабричные изделия были понижены так, что ценность ввоза их в Россию дошла до 500 миллионов рублей в год. Нельзя было надеяться на возобновление этого договора: и русские землевладельцы, и русские фабриканты и заводчики этого не хотели.

Наконец, бремя вооружений было несносно-тяжело и грозило сделаться еще тяжелее.

Таковы были причины войны. Поводом к ней послужило убийство наследника австрийского престола сербом. Сербская буржуазия давно уже стремилась к основанию обширного государства, к присоединению к королевству Сербскому сербских земель Австрии. На почве этих мечтаний о „великой Сербии“ и произошло убийство. Австрия потребовала тогда почти полного подчинения себе Сербии и была поддержана Германией. За Сербию заступилась Россия. Тогда Германия, а

затем и Австрия объявили войну России и союзной с нею Франции, а так как Германия для нападения на Францию заняла Бельгию, что грозило опасностью Англии, то и Англия, давно уже связанная соглашением с Францией и Россией, присоединилась к войне против Германии. С тех пор война, к которой примкнули многие, почти все державы Европы, отчасти Азии и Америки, и в которой участвует и Австралия и Африка, то-есть почти весь мир,—продолжается уже шестой год.

Для русского самодержавия эта война была последним ударом, довершившим его гибель. Россия в военном отношении оказалась совершенно к ней неподготовленной, вследствие небрежности и хищничества слуг самодержавия, подобных военному министру генералу Сухомятинову. Не готова она оказалась и в хозяйственном отношении: железных дорог было мало, промышленность слаба. К тому же, и во время самой войны, самодержавие не оказалось в силах ни организовать промышленность, ни улучшить снабжение армии, ни бороться с продовольственным кризисом и дороговизной. Армия не доверяла своим вождям. Рабочие голодали. Все пришло в расстройство.

И когда в конце февраля полиция, по приказу министра внутренних дел Протопопова, стала расстреливать волновавшихся рабочих и народ из пулеметов, успокоения достигнуть было уже невозможно. Попытались вывести против народа солдат. Но они присоединились к восставшим. На их же сторону, после некоторого колебания, встала Государственная Дума, и в начале марта особый комитет Государственной Думы и петербургский совет рабочих и солдатских депутатов признали первое временное правительство. Николай II перестал царствовать.

Заключение.

Общий ход революции до 25 октября 1917 года.

Внешняя политика первого временного правительства, образовавшегося в марте 1917 года, осталась прежней: министр иностранных дел Милюков, представитель конституционно-демократической партии, истолковал слова воззвания совета рабочих депутатов „Ко всем народам“ о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов в смысле продолжения войны до полного разгрома Германии и ее союзников и завоевания Константинополя и проливов. Это повело к протестам в рабочей среде и к открытому выступлению против правительства 21 апреля. В начале мая первое временное правительство вышло в отставку и заменено было коалиционным правительством, т. е. союзным из представителей буржуазии и социалистов-революционеров, народных социалистов и социал-демократов меньшевиков. 6 мая была принята программа нового правительства, сводившаяся к работе в пользу мира, к борьбе с хозяйственной разрухой посредством руководства хозяйством со стороны правительства и путем финансовых реформ, к подготовке решения аграрного и рабочего вопросов и к скорейшему созыву Учредительного Собрания. Но на деле о заключении мира министр иностранных дел Терещенко не заботился, и Керенский, назначенный военным министром, начал даже наступление на фронте 18 июня, кончившееся поражением русской армии; никаких реформ хозяйственных и финансовых,

кроме подоходного налога, второе временное правительство не провело; созыв Учредительного Собрания по-прежнему откладывался. Продолжение войны и затяжная хозяйственная разруха повели к недовольству рабочих и солдат правительством и к выступлению большевиков 3, 4 и 5 июля на улицах Петербурга. Перед этим, когда члены правительства социалисты стали требовать действительного осуществления правительственной программы, представители конституционно-демократической партии, и в том числе министр-председатель князь Львов, ушли из правительства. Оставшиеся члены правительства, выбрав председателем Керенского, пытались укрепить свое положение созывом особого государственного совещания в Москве. Но это не помогло. Состоялось лишь новое соглашение меньшевиков и социалистов-революционеров с конституционно-демократической партией, и составилось новое правительство под председательством Керенского, принявшее почти вполне прежнюю программу, но по-прежнему ее не выполнявшее. После попытки переворота, произведенной генералом Корниловым, временное правительство хотело опереться на „временный совет республики“, составленный из представителей разных общественных организаций, но этим его положение не было укреплено. Голод, разруха, дороговизна, продолжение войны возбуждали против правительства массы рабочих, солдат и матросов. На почве этих бедствий и бездействия правительства успешно вели свою агитацию большевики. 25 октября 1917 г. произошло восстание в Петербурге и Москве, имевшее отклики и результаты во всей России; восстание было успешно, большевики победили, и учрежден был совет народных комиссаров, председателем которого стал Ульянов-Ленин, вождь большевиков.

8/10/17